

А МАМА БОГА БОГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А л е к с е й С т о п и ч е в

Алексей Стопичев

Алая быль

«Автор»

2023

Стопичев А. А.

Алая быль / А. А. Стопичев — «Автор», 2023

В этом мире наряду с людьми живут духи, нежить и нечисть. Но духов, добрых и злых, способны видеть лишь избранные, коих зовут "видящими". Их путь труден и одинок, а алый плащ - символ их веры...

© Стопичев А. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1.	6
Глава 1.	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16	52
Глава 17	55
Глава 18	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Алексей Стопичев

Алая быль

Памяти моего брата Александра,
который всю свою жизнь сражался с духами...

Часть 1.

Глава 1.

Полуденное июньское солнце придавило жаром, опустошив улицы небольшого волостного села Узвар. Даже воробьи попрятались в тень, и только бродячий пёс Вислоух блаженно развалился в пыли дороги, лениво ворочаясь время от времени, да подставляя то один, то другой бок палящим лучам. Возле волостной избы, брёвна которой напिताлись летним жаром, сидели в тени акации двое служилых. По правилам они должны были патрулировать село, да в такую жару по солнцепёку ходить – на голову Лихо кликать, вот и сидели за деревянным столиком, попивая квас, да изредка кидая через стол грязные, замусоленные карты. Они и заметили первыми странного чужака, бредущего в село по просёлочной дороге.

Одет был незнакомец неброско: ботинки, довольно поношенные и разбитые от долгой ходьбы, штаны-шаровары, холщовая рубаха, тоже уже довольно затасканная, да белый плат, повязанный на голову на манер пиратских косынок. За плечом незнакомец нёс вещевой мешок, хоть и объёмный, но явно лёгкий. Но встревожило стражей не это, а широкий военный ремень, да меч-полуторник, висящий у парня на поясе. Сам юноша был среднего роста, но жилистый, крепкий. Безусый и белобрысый. С тренированными руками и широкими плечами. Когда незнакомец подошёл ещё ближе, стражи заметили на его вещмешке странного зверька, на хоряка похожего, но покрупнее чуть. Чёрный, с отливом, он резко контрастировал с белобрысой, выгоревшей шевелюрой парня, выбивающейся из под косынки. Стражи вначале животное приняли за шкурку, но хорёк время от времени лениво поднимал остроносую мордочку и выглядывал из-за плеча парня, вертя головой в разные стороны.

Стражи не сказать, что всполошились, но встревожились. Оружных тут мало было, потому как село Узвар находилось на самом отшибе Медянской губернии, вдали от больших трактов и границ. Да и парень на военного не походил. А на дворянина, тем более, смахивал мало. Слишком уж неказист был одёжкой да скарбом. Но меч не каждому носить полагалось, и нацепить его на пояс не на службе – на штраф да на конфискацию нарваться можно! Вот и переглянулись Миха и Ставей, да встали со скамеек своих, ухватив покрепче алебарды.

– Уж не тать ли? – пробормотал Миха.

– Дурак тебе, что ли, тать один по сёлам шастать? – мотнул головой напарник, но алебарду наизготовку взял.

– А ты знаешь, кто за ним следом-то прётся? Может, целая шайка по полю подползает! – Миха вышел на дорогу под палящее солнце и остановился, угрюмо набычившись. Напарник его встал рядом, опустив вниз остриё алебарды. Так, в случае чего, удобнее всего снизу вверх пырнуть нападающего. Не подпустить, по крайней мере, пока напарник вторым оружием не поможет. Все десять стражей местной дружины жили хоть и спокойно, но про тренировки не забывали. Благо, десятник Михей гонял своих подчинённых с утра до вечера. Вот и стали грамотно: Миха слева, с алебардой вниз, а Ставей справа, схватив оружие за древко и отведя навершие за плечо, чтобы рубить сподручнее было.

Впрочем, парня их приготовления озаботили мало. Он шёл всё так же размеренно, пыля ботинками по деревенской дороге, расслабленный и чуть улыбающийся. Остановился шагов за пять и спросил хрипло:

– Старосту как отыскать, служивые?

– А ты кто будешь, мил человек? – растягивая слова, спросил Ставей.

– Стера я, – улыбнулся пошире белокрысый и вновь спросил: – Так как старосту-то найти? А то притомился я, да и жарко очень.

– Да тебе за какой надобностью? – вопросом на вопрос ответил Миха.

– Дело к нему, – пожал плечами белокрысый. Глянул на стол в тени и проговорил: – Кваском не угостите? В горле пересохло – жуть!

– Какое дело? – неуступчиво спросил Ставей, – И меч по какому праву нацепил? Из благородных? Али, может, скажешь, что дружинник какой?

– Да нет, – продолжил улыбаться парень, – Из братства видящих я, иеромонах Лука отправил в село ваше. Это ж Узвар?

Ставей тут же опустил алебарду и спросил:

– А без накидки почему? В вашем братстве же все в накидках алых ходют.

– Да по такой жаре в накидке сдохнуть можно, – простодушно ответил Стера, – Вот и засунул в мешок.

Миха, тоже закинул алебарду на плечо и кивнул понятливо:

– Староста на дальнем лугу, должен вернуться скоро. Пошли в тень, что ли. Квасок прохладный, только из погреба.

Ни у одного, ни у другого из стражей даже мысли не возникло проверить слова парня. Назваться служителем братства, но не быть им в Ивском княжестве даже деревенский дурачок бы не додумался. Да и в других княжествах тоже. Служителей почитали, и даже немного побаивались. А буде находился мошенник, выдающий себя за адепта видящих – ждала его незавидная участь. Такая, что даже самый распоследний тать язык бы себе скорее отрезал, чем ляпнул бы, что он видящий.

Паренёк кивнул, с облегчением зашёл в тень и благодарно взял протянутый Михой прохладный кувшин с квасом. Перекрестился степенно и мелкими глотками начал пить. Зверёк с мешка зафырчал что-то и Стера спросил чуть виновато у стражей:

– Я Уголька напою?

– Конечно, – кивнул Ставей, вновь усевшийся на скамейку, – Вон, плошку возьми! Она чистая.

Видящий плеснул в плошку квасу, поставил посудинку на стол, и бережно посадил зверька на столешницу. Тот рыскнул глазками-бусинками на стражей, фыркнул снова и принялся лакать жидкость, обнажая мелкие, но острые зубы. Миха тоже присел на скамеечку и спросил опасливо:

– Хорёк? Не укусит?

– Вроде хорёк, а может и куница, – пожал плечами Стера, – Я их не сильно отличаю. Пока никого не покусал из людей. Он только кошек да собак не любит.

– А Уголёк – кличка? – Ставей аккуратно потянулся к кувшину, взял посудину и сделал большой глоток. Поставил степенно кувшин, вытер усы и с интересом уставился на зверька.

– Ага, – кивнул Стера и тоже присел на скамеечку рядом со стражем. Перед этим снял с плеч лямки дорожного мешка и аккуратно положил мешок в траву. Уголёк напился, видимо, посмотрел на хозяина, прошёлся по столу, трубой задрал чёрный хвост, а потом улёгся с краю столешницы, свернулся клубочком, закрыв мордашку хвостом и затих.

– Эка, зверушка какая, – умилился Миха, – Понятно котов и собак не любит. Наверное, пытаются слопать кроху.

– Да эта кроха, – хохотнул парень, – Сама кого хочешь слопает. В Медяне чуть кобеля не загрызла на постоялом дворе. Еле оттащил.

– Ого, – протянул Ставей и уважительно посмотрел на зверька, беспечно посапывающего на столе.

Стражи помолчали чуть, и Миха спросил пришедшего:

– В картишки не желаешь перекинуться?

– Можно, – оживился парень, – Только я игрок так себе – в дурня ещё умею, а остальные игры и не знаю.

– Да мы в дурня и играем, – улыбнулся Ставей, и повернулся к напарнику: – Раздавай, что ли?

Миха сгрёб колоду, перетасовал и зашлёпал старыми, потёртыми картами по столу. Уголёк сдвинул с глаз хвост, посмотрел на людей и вернул хвост на место...

Глава 2

После двух или трёх партий в дурня стражи оживились, да и солнце, понемногу опускающееся к горизонту, уже не жарило так яростно. По сельской улице проходили время от времени мужики да бабы. Они с интересом посматривали на незнакомца, играющего со стражами в карты, но не подходили. А вот стайка пацанов пыталась приблизиться, но Миха цыкнул на них, и ребятня убежала по улице, весело гогоча. Мимо ехала телега, и Ставей окликнул возницу:

– Дядька, а староста скоро вернётся?

– Да следом выезжал, ответил мужичок с торчащей вперёд бородкой, – Стал быть, будет тут с минуты на минуту!

Страж кивнул удовлетворённо и спросил Стеру:

– А вы правда духов видите?

– Видим, – парень взял кувшин и снова выпил квасу.

– А сейчас поблизости есть хоть один? – спросил осторожно Миха.

– Есть, – улыбнулся видящий, – И не один.

Стражники синхронно перекрестились, и Миха поинтересовался:

– И... кто же?

– Вон, в поле Полудница ходит, – ткнул рукой за крестьянскую избу Стера, и стражи синхронно повернули головы. Однако, кроме золотистой пшеницы, стелющейся сразу за низеньким тыном, не увидели ничего.

– Какая она? – враз осипшим голосом поинтересовался Ставей.

– Красивая, – наклонил голову к плечу белобрысый видящий, – И печальная.

– Почему печальная? – тоже шёпотом спросил Стеру Миха.

– Видать, Полевик завёлся в вашей пшенице. А нежить добрый дух повлиять не может. Вот и грустит Полудница. Урожая ей жалко и трудов людских, – пояснил Стера и полез в заплечный мешок. Вытащил оттуда тряпицу узорчатую, развернул и достал хлеба краюху, да шмат сала резанного: – Угоститесь со мною?

Миха кивнул заторможено, а Ставей подхватился, из-под акации достал торбу и начал вынимать на стол огурцы, редис, мясо вяленое да каравай белого душистого хлеба:

– Сейчас пополдничаем, – улыбнулся он видящему.

Стера принял благодарно огурцы да мясо, придвинул сало к стражам, и те с удовольствием взяли, зажевали весело. Теперь полгода вспоминать, да рассказывать, как с ними один из братства видящих трапезу разделил. Время от времени все трое прикладывались к кувшину с квасом. На чавканье проснулся и Уголёк. Подошёл к хозяину и ткнулся требовательно носом в руку Стеры. Тот аккуратно отломил кусочек мяса и протянул зверьку. Хорёк не зубами взял, а уцепил передними лапами и отошёл вновь к краю стола. Сел и начал грызть угощение.

– Ты смотри, – восхитился Миха, – Будто человек есть!

Стера кивнул согласно, прожевал и спросил стража:

– А ты женился недавно?

Миха от неожиданности аж закашлялся, подавился, покраснел весь. Кое-как квасом про-толкнул застрявший в горле кусок и, вытирая слезящиеся глаза, проговорил:

– Как ты узнал?

– А сзади тебя Люб увивается, – ухмыльнулся Стера, и Ставей захохотал оглушительно. Наклонился через стол, хлопнул напарника по плечу и спросил:

– Ты долг-то супружеский выполнил, друже? Чего он за тобой по пятам-то ходит?

– Да иди ты, – отмахнулся Миха, а Стера пояснил улыбочиво:

– Любы счастьем подпитываются. Когда человек счастлив, и Люб на высоте. При силе. И силой любовной молодожёна напивает, чтобы тот ночью с женой ещё счастливее стал, ещё сильнее Люба сделал.

Миха покраснел ещё больше и пробормотал:

– Нужна мне сила его... Сам будто не справлюсь!

– Ты хорошего-то духа не обижай, – покачал головой Стера, – Хороший дух не просто помогает, но и злых духов отгонит в случае чего.

Миха устыдился, помялся и проговорил, глядя вбок:

– Да я чего? Пусть подпитывается, коли нужно. Я ж не против.

– А злых, злых духов нету поблизости? – вновь шёпотом спросил Ставей.

Стера замешкался на мгновение и проговорил:

– Рядом нету. Они нас... видящих опасаются. Стараются подальше держаться.

– А добрые? – тут же живо поинтересовался Миха.

– А добрые никого не опасаются, – Стера хлебнул квасу, почти опрокинув кувшин дном вверх и посмотрел виновато на стражей: – Ну вот, весь квас допил.

– Да есть ещё, – отмахнулся Миха, – Ты лучше скажи, а Полевик в поле – ты его не можешь убить? Загубит же урожай!

– Я? – удивился Стера, – Так Полевик не дух, а нежить. Мы с нежитью не сражаемся. Зато вы и сами сможете Полевика убить.

– Это как? – удивился Ставей.

– Нежить серебра боится и осины. Выманите его, да убейте.

– Да у нас серебра на целый меч во всём селе не наберётся, – крикнул Миха, а видящий тут же ответил:

– А зачем меч? В Медяне вон из двух гривенников серебряных наконечник для стрелы делают. И лучший стрелок бьёт нежить, как куропатку!

– А это идея, – загорелся Ставей, – Сильно не разоримся, если с пяток наконечников серебряных сделаем. Потратим десять гривенников, зато пользы сколько?

– Целую куну за пять наконечников, – покачал головой Миха, но потом посопел немного и решил, что не такая это большая цена: – Хотя ежели на нежить людей из братства волка звать... Дороже получится! Я слышал, что волкодавы менее пяти кун за вызов не берут!

– Ха, пять кун, – проговорил Ставей, и начал запихивать оставшуюся снедь в торбу: – В деревне Глузды приходили люди из братства волка на Ауку охотиться. В итоге воевода им пятнадцать кун отстегнул, и ещё кормили их всей деревней две седмицы, пока они Ауку по лесу искали-шастали.

– Нашли? – живо поинтересовался видящий, и Ставей кивнул живо.

– Нашли. Приволокли потом в деревню. Мерзкое, волосатое какое-то и зелёное. Будто мхом поросшее.

– Мимикрирует, наверное, – Стера тоже ловко убрал в заплечный мешок остатки еды, завязал тесёмки и поставил мешок в траву.

– Что делает? – осторожно переспросил Миха.

– Приспосабливается к окружающей среде. К лесу, – охотно пояснил видящий, – Цвет меняет. Привычки. Пристрастия в еде.

– Ага, – глубокомысленно кивнул Миха и постарался запомнить чудное слово. Потом повернулся к Ставею и спросил: – А почему этих... из братства волка волкодавами кличут?

– А ты их не видал ни разу? – Ставей поудобнее сел на лавочку и взял в руки колоду карт. – Перекинемся?

– Не видал, – мотнул головой Миха, и добавил: – Перекинемся!

– Так они шкуры волка на себе таскают всегда. Как одежду. Кто просто хвост воротником, а кто шкуру целиком, вместо плаща!

Стера тоже подсел ближе, собираясь поиграть в карты, но не успел. В конце села заскрипела телега, Миха повернулся туда и сказал весело:

– А вот и староста вернулся! Дядька Богомил!

Стера тут же упруго встал со скамеечки, закинул на плечо мешок, коротко поклонился стражам и пошагал навстречу телеге, в которую впряжена была пегая немолодая кобыла с грустными глазами и слепившейся нечёсаной гривой. На телеге восседал здоровенный мужик с бочкообразной грудью и немаленьким животом. На лице – окладистая борода, в которую будто влип мясистый с прожилками нос.

Глава 3

Староста зафыркал, умываясь из огромной кадушки, стоящей во дворе его дома. Пригоршнями черпал воду, плеская на голову, плечи, руки. Потом вытерся рушником и осоловело глянул на видящего:

– Прости, Бога ради, упрел с жары совсем!

– Ничего, – улыбнулся Стера, удобно примостившийся на дощатой скамеечке, в тени бревенчатого дома старосты. Мешок свой парень вновь положил рядом, а хорёк, обнюхав скамейку, угол дома да ведро, валяющееся у крыльца, скользнул в густую траву и зашелестел по направлению к саду.

– Маланья! – заорал Богомил так, что порскнули, взметая пыль, по двору куры. Закудахтали растревожено. И заорала, перекикивая кудахтанье, из избы Маланья:

– Чего разорался, окаянный?

– На стол вечерять ставь! Гость у нас долгожданный!

Маланья – дородная темноволосая баба забурчала под нос, но беспрекословно вернулась в хату, вынесла на улицу чугунок с окрошкой. Следом вышли две девки, уже не дети, но ещё и не взрослые. Вытащили каравай, рыбу какую-то и кувшин с молоком. Стали ловко расставлять снесь на широченном столе, стоящем под яблоней. Ставили глиняные миски, чашки. Маланья ловко налила окрошку, на отдельную тарелку положила рыбу. Одна из дочек стала резать каравай большими, толстыми ломтями. Вторая из кувшина разливала по кружкам молоко. Староста натянул рубаху и потопал к столу, пригласил кивком и видящего, указал на почётное место во главе стола. Но Стера, зная обычаи Ивского княжества, поблагодарил и отказался. Тогда Богомил кивнул благодарно, сел во главу и указал на скамейку по правую руку от себя. Стера примостился и застыл. Когда расселись за столом Маланья и дочери старосты, Богомил перекинулся широко, бормотнул молитву и начал есть. Тут же застучали ложками и домочадцы. Начал есть и Стера. В бок ему ткнулся хорёк, видящий глянул на хозяев, отломил кусочек рыбки и протянул зверьку.

Когда повечеряли, староста улыбнулся счастливо и проговорил семье:

– Идите, погуляйте, мне с гостем погудорить нужно!

Жена с дочками быстро собрали посуду и ушли в избу, а Богомил смахнул со стола крошки и заговорил медленно:

– Беда у нас приключилась, Стера.

– Без причин и не приглашают нас, дядька Богомил, – видящий достал кисет и начал аккуратно набивать трубку. Раскурил её и замолчал, глядя на старосту. Тот тоже ждал, пока закурит Стера, и только после продолжил:

– Три года назад у нас бабонька мёртвого младенца родила.

– Такое случается, – осторожно сказал Стера.

– И мы так подумали, – кивнул староста, а через месяц вторая родила – и тоже мёртвого.

Стера выдохнул клуб дыма и смотрел на старосту, ожидая продолжения.

– В общем, за год из девяти родившихся младенцев трое родились живые, но все умерли до года. Четыре роженицы тоже умерли, – староста стиснул могучие кулаки, отчего аж костяшки побелели, и продолжил: – Батюшка и молебны проводил. И крёстный ход делали с иконой, из Медяна привезённой – всё зря. В следующий год ещё четверо младенцев мёртвыми родились. И все роженицы померли. А сейчас у нас рожать боятся. Год уже в селе свадеб не было. Священник из Медян так и сказал, что мол надо из братства видящих звать. Дух энто. Сможешь помочь?

Староста впи́лся глазами в лицо Стеры требовательно и одновременно просяще, с такой надеждой, что парень даже неуютно себя почувствовал. Потому постарался говорить максимально твёрдо:

– Сделаю всё, что в моих силах. Затянули вы очень, – видящий вздохнул: – Сразу надо было к нам в монастырь обратиться. Но теперь уж чего. В общем, надо будет соли побольше, и несколько человек помощников. Вас иеромонах должен был предупредить!

– Четыре мешка соли купили, – закивал быстро староста. – А помощников сколько угодно берите! Но, может, отдохнёте вначале с дороги?

– Нельзя, – покачал головой Стера, – Если это дух Гелло, то он достаточно умен и осторожен. Да и к месту не сильно привязан. Может улететь на пару вёрст от деревни и ищи его потом месяцами. А если он увидит... меня, то улетит вовсе. Потому надо солью просыпать дорожку вокруг деревни. Навроде святого круга сделать. И чем быстрее, тем лучше. Вы мне покажите, дядька, хотя б отсюда, где последняя роженица умерла...

Уже начинало вечереть, когда десяток молодых парней, рассыпав по котомкам соль, рванули бегом вокруг дворов, указанных видящим, и стали быстро просыпать соляные дорожки. Буквально за полчаса дело было сделано, и Стера кивнул старосте:

– Выводите людей!

Богомил кивнул чуточку испуганно и заорал парубкам:

– Давай всех геть из домов! Пусть у родни ночуют сегодня! И быстрее, пока дух на них не набросился!

Жители шести обсыпанных солью избышек быстренько выбежали из домов и вместе с детьми поспешили подальше от жилья, затравленно озираясь. Сначала подбежали к дому старосты, и видящий заговорил спокойно:

– Не переживайте, люди добрые. Вам только до утра потерпеть! Обычно Гелло только младенцев да рожениц атакует, но лучше поостеречься.

Селяне, уже предупреждённые, только закивали, и один мужичишка произнёс:

– Сколько надобно, столько и потерпим, твоё сиятельство! У меня жинка померла. Делай, что надо, но накажи зло!

Стера кивнул, подождал, когда люди разойдутся по родственникам и подтащил к себе свой холщовый мешок. Вздохнул тяжело и начал перебирать травы. Достал пучок шалфея, навесил на пояс, перекрестился и твёрдым шагом пошёл к еле виднеющимся во мраке избышкам. Староста всхлипнул вдруг и перекрестил спину видящего, пробормотав:

– Господи благослови!

Стера осторожно приблизился к первой избышке и замер, пристально вглядываясь во мрак. Приоткрыл скрипучую дверь и шагнул внутрь. Осмотрел всю избу, затем вышел и по лестнице полез на чердак. Расчихался от пыли, вновь осмотрел всё и спустился вниз. Потом так же тщательно обследовал подвал и сараи. Дорожкой из соли огородил проверенное место и шагнул дальше.

Видящий проверил уже четыре избы, когда уловил взглядом движение слева от себя. Развернулся осторожно и увидел дух Гелло. Тот висел в паре аршинов над землёй и переливался всеми цветами радуги. Стера вдохнул глубоко, развёл широко руки и резко схлопнул их перед духом. Волна попала прямо в духа и тот завопил, искорёжившись весь. Задёргался, будто рыба в путях. Дух явно хотел вырваться, но Стера держал сомкнутые ладони крепко. Лишь на висках проступили капельки пота от тяжелейшего напряжения. Дух извивался, дрожал, и когда начал истончаться перестал вопить и застонал вдруг:

– Отпусти меня, видящий! Отпусти, за жжжелание!

Стера молчал, стиснул зубы и напрягался весь до вздувшихся вен на висках и шее. Лишь пот катился градом по его лицу. А Гелло стонал всё тише:

– Сссмилуйся! Жжжжелание! Исссполню!

Потом истончился весь, взвизгнул тоненько и пропал вовсе, вспыхнув напоследок розовым, будто кровью выпитых им младенцев и рожениц. И как только пропал, Стера разомкнул ладони и выдохнул разом. Схватил с пояса фляжку и начал пить колодезную воду, лязгая зубами о металлическое горлышко. Влага текла по шее, стекала на грудь, смешиваясь с потом, насквозь пропитавшим рубаху видящего. Парень допил, развернулся и пошёл, пошатываясь, назад к дому старосты. Каждый шаг давался с трудом. Стера будто через густую жижу пробирался, потеряв все силы. Но он упрямо двигался. С трудом переставлял правую ногу, сдвигая

её на пару вершков. Затем переносил на неё вес своего жилистого тела и двигал вперёд левую конечность. Перед глазами мутилось всё, плыло, но Стера упрямо шёл. И только когда увидел, как бегут ему навстречу староста с односельчанами, расслабился и позволил себе опуститься на землю...

Глава 4

Летнее солнце окатило комнату светом и теплом сквозь кружевные занавески. За окном о чём-то своём кудахтали куры и орали петухи. Где-то бляла овца. А Стера лежал на деревянной кровати, укутанный пуховым одеялом. Парень пошевелился, распахнул глаза и тут же сощурил от яркого света. Зевнул и опустил босые ноги на тёплый деревянный пол. Тут же, радостно пофыркивая, соскочил с кровати Уголёк, который спал, свернувшись калачиком, на краешке постели. Ткнул мокрым носом в ногу Стеры, и выпорхнул из комнаты. Стера тоже пошлёпал из комнаты на кухню и увидел там Маланью – жену старосты.

– Можно водицы испить? – попросил сиплым голосом, и баба взвилась тут же, запричитала.

– Очнулся, голубчик! Слава тебе Господи! Третий дён лежишь без сознания! – повернулась к раскрытой двери и заорала во всю мощь лёгких: – Лукерья! Отца клич! Видящий проснулся!

Стера растерялся немного и повторил:

– Водицы бы мне...

– Конечно-конечно, – захлопотала Маланья, – А может, кваску? Молочка? Пиво есть, холодненькое, прям из погреба! А?

– Спасибо, – покачал головой парень, – Просто водички!

Стера прошлёпал босыми ногами к столу, присел на краешек скамейки и стал жадно пить из ковшика, протянутого Маланьей. Пил видящий жадно, мощно. Кадык его дёргался вверх-вниз, как рогулька на прялке. Маланья с жалостью посмотрела на белобрысого парня и спросила:

– Откушаешь чего? Курочка варёная стоит в печи. Колбаса есть, сало. Пирогов я напекла вчера с картошкой и капустой.

Стера опустил ковшик и улыбнулся немного виновато:

– Пирожок я бы съел... с капустой.

Маланья засуетилась, забегала, взметнув свои цветные юбки. Минуты не прошло, и на столе уже стояли тарелка с пирожками, колбаса, огурцы да редиска. Стера принялся есть, вначале сторожко, будто прислушиваясь к себе, а после уже увереннее. Проснулся аппетит, и парень налегал на пирожки, откусывал колбасу, огурец, редиску, и запивал всё квасом. А Маланья села напротив, подпёрла голову ладошкой и проговорила:

– Кушай, голубчик, кушай! Вся деревня тебе благодарная! Дух энтот сколько душ у нас загубил! Не скоро оправимся, да забудем!

В это время, затмив на мгновение свет в дверном проёме, ввалился в избу староста Богомил и с порога пророкотал:

– Спасибо тебе, Стера! Век благодарны будем!

– Уймись, окаянный, – шикнула на него жена, – Пущай малец покушает вначале!

Староста аккуратно присел на стульчик и затих. Стера смущённо дожевал пирожок, запил квасом и откинулся на спинку скамьи:

– Спаси Бог, хозяева! Накормили от пуза! Так сколько я спал?

– Третий день сегодня, – почтительно сказал староста. – Мы священника звали, но тот сказал вас не трогать, мол, проснётесь в нужный час.

Видящий благодарно кивнул и спросил:

– Я переночую ещё ночь, хорошо? А завтра уже в путь.

– Да хоть сколько живи! – загрохотал староста. – У нас на первые выходные сразу пять свадеб назначено! Народ ожил!

– Слушайте, – спросил вдруг Стера, – Я тут со стражами познакомился. И один из них – Миха, недавно женат...

– Так он не в Глуздах живёт с женой, а в Узваре! – сокрушённо сказал староста, – У нас за это время стока народу уехало.

Стера покивал задумчиво, а после посмотрел куда-то за плечо огромного мужика, сдвинул брови и заговорил чужим, ледяным голосом:

– А ты тут что забыл?

Староста пригнулся вдруг, ощутил такую силу великую в голосе видящего, что в летний день мороз по коже пробежал. Глянул испуганно на Стеру, а тот продолжил, глядя куда-то мимо Богомила:

– Ты совсем жить расхотел?

– Я? – захлопал испуганно глазами староста, и видящий глянул на мужика, помотал головой:

– Нет-нет, дядька Богомил! Тут дух к вам прибился... не очень хороший. Но и не опасный шибко. Незлой, в общем. Сейчас разберусь!

Староста втянул голову в плечи, опасаясь повернуть головы. А Стера вскочил легко на ноги, скрутил фигуру, в народе «шиш» называемую, и сунул в угол избы, а после с фигурой этой вышел наружу, во двор. Растерянные староста с женой остались в избе, переглядываясь. Вернулся белобрысый послушник братства видящих минут через пять, улыбнулся чуть виновато и сказал:

– Простите, что напугал. Просто тут к вам Шиш прибился. Он для людей не шибко опасный, но вихри крутит. Может пшеницу повалить, двери или окно захлопнуть внезапно. Вот и пришлось его отвадить.

– Шиш – это дух? – осторожно спросил староста.

– Ну да, – кивнул видящий, – Он не злой, просто вредливый. Чаше ж духи зла не несут. Либо вовсе людям помогают, либо пошкодить любят. А так, чтобы людям вредили... Мало таких. А чтобы уж Зло несли... таких и вовсе единицы. Не повезло Глуздам, что один из них тут появился.

– Вот уж точно, что не повезло, – Маланья вновь подпёрла голову рукой: – Моя племянница померла при родах и дитятко её.

– А откуда он взялся, Гелл энтот? – спросил староста.

– Гелло, – поправил старосту Стера и развёл жилистые руки в стороны: – Кто знает? Причин много может быть. Некоторые духи от проклятия появляются. Некоторые – от скорби великой. Человеческие чувства – они дорогу в иной мир открывают. Совсем ненадолго, но и этого духам хватает, чтобы в наш мир просочиться.

– А что им в мире-то нашем делать? – пробурчал Богомил. – Сидели бы в своём.

– Нам говорили, – принялся объяснять Стера, и с виноватым видом взял ещё один пирожок, – Что их мир бесприютен и гол. На чувства, эмоции. Мёртвый мир, который духи уничтожили сами, превратив в бесплодную пустыню. Но какой-то злой магией они не погибли сами, а остались в виде бесплотных существ. И маются там. Потому так стремятся к нам, чтобы вновь насладиться всем тем, что сами потеряли.

Маланья вздохнула тяжело. Ей, как любой женщине, сразу же стало жалко бесприютные бестелесные сущности:

– Это ж сколько они скитаются так? – спросила она, и подлила Стере квасу.

– Я не знаю, – с набитым ртом проговорил видящий, – Может, сотни лет. Или вовсе тысячи.

– Тыщи лет по пустыне скитаться без тела, – дёрнул подбородком староста, – Эдак, и правда, с ума свихнёшься!

– А одержимые? – испуганно спросила Маланья, – Правда духами одержимы?

– Правда, – Стера достал трубку и спросил: – Выйду во двор?

Все трое вышли во двор и Стера закурил:

– Если духу удаётся попасть в тело человека – это для него наивысшее блаженство. Он опять может чувствовать, наслаждаться едой, плотскими утехами. Быть живым. Вот и идут на разные ухищрения, чтобы завладеть телом человека. И Гелло этого же хотел. Но сутью своей убивал только родившееся дитя.

Маланья поёжилась, и сказала:

– Ну, и поделом твари, что сдохла!

Глава 5

Золотые колосья пшеницы весело качались по обе стороны от пыльной узкой дороги. Стера шёл по этой тропе не торопясь, постукивая по земле простым деревянным посохом. На голове белая косынка, повязанная на пиратский манер. За плечами тот самый дорожный мешок. Только Уголёк не на мешке сидел, а радостно бегал вокруг хозяина, то ныряя в золото колосьев, то вновь выскакивая на дорогу. Стера неторопливо шёл и с усмешкой смотрел, как резвится хорёк. А потом вдруг остановился резко, повернулся и ткнул палкой в поле, проговорив:

– И долго ты за мной шлаться будешь?

Стера зрел духов, сколько себя помнил. В совсем маленьком возрасте видел клубящегося за печкой Домовика, похожего на заросшую бородой колючку. Видел Овинников и Бурогозов. Поначалу родители несерьёзно относились к лепету малыша про прозрачных существ, но когда смекнули – возликовали. Видящий в семье – к достатку. Братство давало за малыша со способностями сразу тысячу кун. На них можно было купить стадо коров или небольшой табун лошадей. И Стеру, посадив в телегу, повезли в ближайший город, где был монастырь видящих. Семья у Стеры была большая. Кроме него родители воспитывали ещё пять братьев и двух сестёр. Семья вечно нуждалась, и мясо на столе было большим праздником. Каждую курочку берегли. Каждое снесённое ими яйцо бережно забирали из гнезда и несли в дом. Отец Стеры – огромный, могучий мужик Здеслав Гай с утра до ночи пропадал в поле, но с трудом кормил восемь детей. И когда отец белобрысого мальчишки узнал о даре сына, то настолько расщедрился, что на рынке губернского Медяна купил мальцу настоящий леденец на палочке.

Стера счастливо трясся на подводе, запряжённой старенькой кобылкой и рассасывал леденец, глядя на шум и гам губернского города, на бесчисленные толпы, которые в родной деревушке он сроду не видывал даже по большим праздникам. Ему Медян казался бесконечно огромным, шумно-визгливым и загадочным. Пока доехали до монастыря, расположенного на отшибе губернской столицы, мальчуган успел и леденец доестъ и даже подремать. Однако, даже в полудрёме помнил наказ отца – держаться за него, и потому крепко сжимал в горсти подол отцовей рубахи. Наконец, воз остановился возле окованных железом ворот, будто вмурованных в кирпичную, высокую стену. Отец Стеры Здеслав – гордый, огромный мужик, которого на родной деревне боялись и уважали за лютую силу и отчаянное бесстрашие, сам заробел вдруг. И скромно костяшками постучал в калитку, встроенную прямо в одну из створок могучих ворот.

Калитка, будто ждали Здеслава, отворилась мгновенно. И на улицу вышел молодой совсем мужчина, вовсе не похожий на монаха: крепкий, широкоплечий, в алом плаще, да с мечом на поясе. А Стера по дедовым рассказам знал, что монахи сплошь старенькие, бородастые. Рядятся в чёрное, а на пузе крест большой с распятием. И говорят они басом, протяжно, как батюшка в храме. А у вышедшего и голос звонкий был, вовсе не монашеский, и пуза не было, и одет был в щегольские шаровары да белую рубаху. Он оглядел весело Здеслава, возвышающегося над ним на две головы и проговорил с задорным восхищением:

– Ого, ты дубинушка! Это где ж таких выращивают?

Здеслав открыл было рот, чтоб ответить в своей мрачной манере, да тут же передумал. Заговорил спокойно, размеренно:

– Из деревни Глинки мы.

– Хорошие у вас люди, крепкие, в деревне вашей, – отстранив молодого парня из калитки вышел другой. Тот уже больше был похож на монаха. Хотя тоже в алом плаще, шароварах и белой рубахе, зато с бородёнкой. И голос зычный, густой, как у батюшки. Правда, креста на пузе и у этого не было, но часть уже совпадала с образом, и Стера счастливо заулыбался. Он

запомнил этот последний день с отцом ярко и отчётливо. До малейших деталей. Потому как именно тогда закончилось его детство...

Вышедший бородач внимательно осмотрел мальчишку и спросил:

– Опять, якобы, видящего привезли?

Здеслав замялся неловко:

– Говорит сынок, что видит духов. Староста сказал, съездить проверить. У меня покос итак, но тут уж...

– Ты, дядька, уже двадцатый за неделю, – хохотнул паренёк, – Всё везёте и везёте. А на поверку оказывается, что либо обмануть хотят, либо дитё фантазирует.

– Мы омманывать сроду не привыкли, – сурово нахмурился Здеслав. – Не надо дитё, назад поедem! Нам рабочие руки самим надобны!

– В этом-то возрасте? – пробасил бородастый и наклонился к Стере, внимательно вглядываясь в мальчика: – А что видишь ты, сынок?

– Я всё вижу! – гордо пропищал Стера, – Милька гуторил, что я самый глазастый в Глинках!

Молодой весело заржал, присел на корточки и подмигнул Стере:

– А из духов кого видишь?

– Это из прозрачных? – переспросил Стера.

Молодой с монахом переглянулись коротко и балагур кивнул:

– Из прозрачных, парень!

– Да много кого, – охотно затараторил Стера, – Токма мне дядька Овинник говорит, чтобы я не сказывал никому про них. А то, мол, беда с ними будет!

– Кто говорит? – недоумённо переспросил старший.

– Дядька Овинник, – серьёзно пояснил Стера, – Он у нас в сарае живёт!

– Это кто такой? – поднял голову на Здеслава монах. – Сосед ваш али работник?

– А Бог его знает, – пожал плечами мужик, – С воздухом малец разговаривает. Мож, и умом тронулся, но староста сказал – вези в монастырь к видящим.

– С во-о-о-оздухом? – аж задохнулся бородастый и пристально стал всматриваться в лицо маленького Стеры, – Так ты, стал-быть слышишь прозрачных?

– А как их не слышать? – удивился Стера, – Они ж громкие. Это ваш вон еле слышно стонет.

И ткнул в кирпичную стену. Молодой подскочил и обернулся, как ужаленный шмелём. Да и старый глянул, куда малец тычет. Вновь повернулся недоверчиво к Стере:

– А кого ты там видишь, малыш?

– Прозрачного, – пояснил Стера, – Только он не как обычно, а его как в стену вставили.

– Мать моя с коромыслом наперевес, – поражённо охнул парень, – Замурованного увидел, отче!

– Да погоди ты, – отмахнулся бородастый от парня, и вновь склонился к Стере: – А как выглядит этот... в стену вставленный?

– Так размазано выглядит, дяденька поп, – сказал Стера, и парень вновь заржал весело. Бородастый глянул на него сурово и опять, как заколдованный, повернулся к Стере.

– А стонет что? – отче требовательно смотрел на малыша и тот поёжился под суровым взглядом:

– Нечего не стонет, дяденька! Просто мычит, або телушка перед родами.

Отче выпрямился, огляделся вокруг и спросил требовательно:

– Кого ещё видишь?

– Из прозрачных? – уточнил Стера.

– Из прозрачных, – кивнул бородастый.

Стера оглянулся быстренько и сообщил:

– А нету тут никого, дяденька. По всему городу летают, а возле ваших стен-то и нету.

– Пошли со мной! – отче ухватил мальчика за руку и завёл в калитку. И слева Стера увидел клетки чудные, в которых сидели сразу с десяток духов. Следом вошли и Здеслав с молодым.

– Дяденька поп, а как вы их в клеточки посадили? Я столько пытался поймать, и не получалось!

– Видит, отче, видит! – засмеялся счастливо парень в алом плаще...

Глава 6

Стены из тёмного кирпича огораживали большое трёхэтажное здание. И вновь Стера удивился. Он думал, что монастырь – как церковь. Высокий, стройный, с крестами наверху на позолоченных луковках куполов. А тут несколько мрачное приземистое здание, хоть и с крестами наверху, да над сенцами, да с огромным распятием над входом. Мощёный двор с какими-то деревянными сооружениями. Конюшня в глубине двора. И пара десятков парней да мужиков, занимающихся, кто чем. Парень в алом плаще вновь повторил:

– Видит малец!

Но отче не спешил радоваться:

– Погоди гнать впереди повозки! Мож, рассказывал кто, – и повернулся к Стере. Ткнул требовательно в первую клетку: – Тут кто?

Стера подошёл к клетке, наклонил голову и повернулся к бородатому:

– Дяденька поп, он говорит, что ему плохо очень и больно!

Парень открыл было рот, да тут же захлопнул. Глянул на бородатого и решил промолчать. Здеслав тоже помалкивал. Он уже давно не понимал ничего. Просто переминался с ноги на ногу, да поглядывал тоскливо вокруг. А отче спросил вкрадчиво:

– Кому ему?

– Ну, ему! – сурово и требовательно сообщил Стера, – Вы же его видите! Он сказал, что вы его Игошей кличете.

Парень в изумлении снял с головы шапку, прозываемую тафьей, и оторопело уставился уже не на Стеру, а на бородатого. По лицу отче понять ничего нельзя было. Он кивнул чему-то своему и проговорил:

– И всё же, как он выглядит-то? Игоша этот?

– Как младенец прозрачный раздутый, – Стера даже не понимал, почему у него спрашивают очевидные вещи. А отче ткнул во вторую клетку и спросил:

– А там кто?

– Овинник! – Стера подошёл к клетке и просунул сквозь белесые прутья свою ручонку. Здеслав было дёрнулся к сыну, но парень ухватил его за руку, и мужик остановился напряжённо. А мальчонка пошевелил пальцами внутри клетки и повернулся к бородатому: – Дяденька поп, ему тоже плохо. Зачем вы его здесь? Он же хороший!

– А Игоша? – спросил мальчонку отче.

– Игоша злой и плохой, – безапелляционно заявил белобрысый мальчонка и бородатый переспросил:

– С чего взял?

– Так по голосу слышно, дяденька поп! – поднял свои голубые глаза на монаха мальчишка, – Вон, та тётенька полупрозрачная – тоже злая!

Стера ткнул пальцем, и парень с монахом синхронно глянули туда.

– Это он про Вилу, отче, – прошептал отчего-то парень.

– Вижу, – пошамкал губами бородатый и повернулся к Здеславу, – Как зовут тебя, человече?

– Здеслав Гай, из Глинок мы, – пробормотал отец Стеры, и бородатый кивнул благостно:

– А я иеромонах Лука, братство видящих!

– Благословите, отче, – наклонился к руке бородатого Здеслав, и иеромонах перекрестил склонившегося.

Потом посмотрел внимательно на Стеру и заговорил:

– Мы за деток с даром видящего даём по тысяче кун, Здеслав Гай.

Мужик распахнул глаза на Луку, но молчал, будто боясь взглянуть. А тот вновь заговорил:

– Но твой сын – случай иной.

Здеслав посмурнел было лицом, но иеромонах следующими фразами разогнал морщинки с лица крестьянина:

– Он не только видящий, но и слышащий! Таких – на тысячу видящих один! Потому мы предлагаем две тысячи кун! Если захотите поторговаться, может, и дадут больше, – с сомнением произнёс Лука, – Но тогда ехать придётся аж в стольный град Ив!

– И могут больше дать? – с интересом спросил Здеслав.

– Вряд ли, – развёл руками иеромонах, – Но, попробовать можете.

– Не, – мотнул головой крестьянин, – Сюды трое дён ехали. А до столицы месяц добираться.

– Тогда, по рукам? – спросил иеромонах, и протянул Здеславу сухую, крепкую ладонь.

А потом Стера запомнил душную келью, где отец его ставил крестик в каких-то бумагах. Сам мальчонка прилёг на широкую лавку и сомлел, заснул незаметно. Очнулся оттого, что отец бережно тормошил своего сына. Когда Стера сел на скамеечку, Здеслав посмотрел на сына, приблизив к нему лицо, и сказал охрипшим голосом:

– Сынок, я тебя оставляю здесь, с этими дядями! Слушай их во всём. И делай, что скажут.
– А когда ты меня заберёшь, папка?

Здеслав отвёл глаза в сторону и проговорил:

– Не знаю, сынок. Но помни, всегда помни, что ты Гай. И твоя родина – деревня Глинки!

Стера, почувяв неладное, вновь схватил в горсть подол отцово́й рубахи, но Здеслав расцепил маленькую ручку сына, поднялся и сказал строго:

– Не шали! Будь здесь! – и вышел быстро, хлопнув тяжёлой, дубовой дверью кельи.

А у Стеры закончилось детство. Сразу и внезапно. И начались дни, наполненные учением. Вначале его иеромонах Лука с тем самым парнем, которого звали Святогором, отвезли мальчишку в окрестности столицы, в главную школу-монастырь братства видящих. Строгие монахи в клобуках учили его читать, писать и считать в пыльных классах монастыря. А на огромных просторах монастырского комплекса Святогор и другие инструкторы в шапочках-тафьях учили юных видящих владению разными видами оружия. А Стера всё яснее и резче слышал духов. Всё чётче слышал их речь. И потому наставниками-монахами выделяем был изо всех. И учили его вдвое больше от остальных. Так, что мальчонка иногда вползал в свою келью и падал замертво. Но помнил, что он Гай, и что родом из деревни Глинки. Только семьи у него более не было. Хорошо хоть появился друг – рыжий Василь. Тот духов хоть и не слышал, но видел отменно. Был он одного года со Стерой. Такой же бесшабашный, такой же упрямый. Так и учились, да дружили вместе – светлый Стера да рыжий Василь.

А сейчас Стера отчётливо видел в поле дух Шиша, клубящийся, весь будто из воздушных жил скрученный, похожий на скомканный мокрый рушник, из которого торчал длинный нос. Парень спросил у духа сурово:

– И долго ты за мной шлаться будешь?

Шиш завихрился весь, закрутился вокруг себя, а потом сделал два-три круга вокруг видящего и приблизился:

– Возьми с с-с-собой, с-с-видящий! – просвистел-провыл, – Мы у Гелло в подчинении были. Мне с тобой с-с-спокойнее будет.

– Кто это мы? – почесал затылок Стера и оглянулся вокруг. Кроме Шиша не было поблизости ни одного духа.

– Мы – это Шиш и другие духи, – прошелестел длинноносый.

– И где другие духи?

– Разлетелись, – Шиш вновь закрутился волчком и прошелестел из этой воронки: – Возьмёшь? Не пожалеешь!

Стера задумчиво посмотрел на дух-вихрь и махнул рукой:

– А пойдём! Но, говорю сразу – не шалить, себя не проявлять! Будешь плохо себя вести – развоплю!

– Говорят, – засвистел опять дух, – Что за службу тело дают хозяева духу. Тело живое...

– Хрен тебе, а не тело, – заржал Стера, – Ты, Шиш, не наглей. А то не только тела, но и сущности своей лишишься. Думай, с кем торговаться собрался...

Глава 7

Поросшая мелкой травой дорога выскользнула из пшеничного поля и распласталась вдоль холмов, покрытых высокой луговой травой. Стера ходко шёл по дороге, пристукивая посохом и лениво оглядываясь время от времени по сторонам. До ближайшего села шагать было ещё минимум полдня, потому видящий не торопился, не палил себя, берёг силы. До деревни Глинки, куда парень хотел попасть долгие пятнадцать лет, оставалось пару дней пути. Ещё когда узнал, что работать будет в Медянской губернии у иеромонаха Луки, ёкнуло тревожно сердце, и вспомнились вдруг мамкины ласковые руки, тёплый каравай, старшие братья и сёстры. И отцово суровое лицо, его высоченный рост, крепкие руки и зычный голос. Стера подошёл тогда к иеромонаху Луке и спросил срывающимся голосом, можно ли родное село посетить?

– Отчего не можно? – грустно улыбнулся отче, – Очень даже можно. Но не уверен, что тебе самому это надобно.

Тренькнула иволгой обида в душе молодого видящего, но Стера её не выказал. Лишь нахмурился немного и спросил ломко:

– Почему же не надобно мне родных увидеть?

– А сам узнаешь, – усмехнулся наставник, и добавил: – Вижу, что настроился на встречу. Ну, так ступай с Богом! Только после задания выполненного!

И теперь Стера упруго шагал по звенящей от гула мух да слепней степи в сторону волостного села Подзор, в пятнадцати верстах от которой и находились Глинки. Дорогу в родную деревню видящий основательно выпросил, ещё будучи в Медяне. Торговец солью, смешливый и юркий мужичок, чуть постарше самого Стеры, подробно высказал, как идти, чтобы не заплутать. Какие приметы и вешки на пути встретятся. К первой и шёл видящий, памятуя, что к обеду должен он выйти к небольшому пруду с ивовой рощей, где любят останавливаться на привал проезжие люди. Видящий надеялся, что в это время года, в самую страду, не будет никаких караванов, и он отдохнёт спокойно сам.

Впрочем, мечты эти разбились, как только Стера вышел из-за очередного холма и увидел и сам пруд и рощицу, возле которой паслись стреноженными пять лошадок. Парень нахмурился чуть, даже шаг вначале сбавил, но возвращаться или обходить смысла не было, потому упруго пошёл к стоянке. И понял, что случай столкнул его с «волкодавами» – людьми из братства волка, охотящимися на нежить. Стера с интересом глянул на сёдла, брошенные на краю утонувшей в тени поляны, к каждому из которых был приторочен волчий хвост. А возле хилого костерка заметил и пятерых хозяев сёдел. И с удивлением понял, что четверо были мужиками, а вот пятый, вернее, пятая – девка! Удивление своё видящий не выказал ничем, степенно подошёл и поклонился коротко:

– Здравы будьте, люди из братства волка!

– И тебе не хворать, – буркнул смуглый волкодав, заглядывающий в котелок, висающий над костерком.

Остальные покосились лениво на незнакомца и дальше продолжили своими делами заниматься. То есть, валяться на травке, лениво прижмурившись. Только девушка, тоже смуглая, черноволосая, с тугой косой по пояс села и глянула на Стеру чуть раскосыми глазами. Видящий решил не лезть в чужую компанию, тем более, его никто не звал ни к костру, ни в круг. Потому прошёл на краешек полянки, поближе к пруду. Аккуратно снял с плеч мешок. Развязал, достал рушник. Аккуратно разложил на нём сало, две краюшки хлеба, огурцы. Тут из кустов выметнулся Уголёк и Стера подал ему вяленый кусочек мяса. И пока полоскал руки, да лицо в пруду, хорёк сидел возле рушника и аккуратно грыз угощение. И если Стера внимания

волкодавов не привлёк, то вот его зверушка заинтересовала волкодавов сильно. И девушку, жадно разглядывавшую чёрного с отливом хорька, и другого, того, что в котелок паялился.

Когда Стера присел к рушнику и принялся есть, смуглая девушка спросила вдруг глубоким, немного хриплым голосом:

– Ручной что ли? Разве их можно приручить? Не собака, чай.

Стера прожевал, и только тогда ответил, пожимая плечами:

– Я не приручал, сам прибился, – и принялся вновь жевать сосредоточенно, запивая время от времени из фляги.

– Ой, врешь, – насмешливо проговорил смуглый, помешивая в котелке, – Циркач какой, видать? Или скоморох? За полушку спляшешь?

– Буеслав! – предупреждая и довольно резко произнесла девушка, – Перестань!

Стера спокойно прожевал вновь, отпил из фляги, и ответил:

– Зачем я у тебя хлеб отнимать-то буду?

Девушка посмотрела изумлённо на Стеру, а потом расхохоталась резко. Двое волкодавов, услышавшие ответ видящего тоже заулыбались, приоткрыли глаза и с интересом посмотрели, но не на видящего, а на Буеслава. Видимо, его реакцию ожидали. А Буеслав не заставил себя ждать долго. Глянул дико на Стеру и сказал:

– Ты что, пёс, не видишь, с кем разговариваешь?

– Ты меня когда псом назвал, уж не волком ли себя почувствовал? – ухмыльнулся Стера, но жилка под глазом дрогнула недобро, губы растянулись в ухмылке, а глаза так и остались внимательными, оценивающе-прищуренными.

Теперь приподнялись с травы и другие волкодавы, вроде дремавшие бесечно в холодке. Правда, приподнялись не чтобы успокоить, а чтобы бесплатное представление посмотреть. Потому сели и с интересом уставились на обоих задир. Одного светлого, белобрысого, а второго смуглого, наливающегося краской.

– Тебя волновать не должно, кем я себя почувствовал, – процедил Буеслав, – Но если ты, скоморох, посмеешь ещё в таком тоне говорить, то я тебе язык вырву!

Один из волкодавов – невысокий, но крепкий, будто жилами перевитый, с лицом сухим и морщинистым неодобрительно покачал головой, но смолчал. Видимо, не захотел брата подставлять, и выказывать недовольство при чужаке. Впрочем, чужака это мало интересовало, как и угрозы вспыльчивого ордена из братства волка. Он демонстративно хрумкнул огурцом и проговорил с набитым ртом, наплевав на нормы приличия:

– Скомороха ты в воде увидишь, когда нагнёшься умыться, а прежде чем по скудоумию чужому языку грозить, свой язык поганый лучше за зубами держи, а то из-за языка и головушка пострадать может.

Буеслав взревел вдруг и кинулся к белобрысому. Так быстро, что из друзей его и удержать не успел никто. Волкодавы ожидали, что сейчас избыёт, втопчет в траву дерзкого парнишку отчаянный боец, да случилось нечто невиданное. Расслабленный до последнего момента белобрысый паренёк взметнулся как пружина навстречу кинувшемуся Буеславу, и смуглый шутник, утробно хрюкнув, перелетел через чужака и плюхнулся в воду пруда, подняв тучи брызг. Встал на мелководье и согнулся вдруг в рвотном позыве. А белобрысый с сожалением посмотрел на оторванный рукав своей рубахи. Посмотрели на парня и волкодавы. И увидели вдруг на предплечье татуировку ока. Вскинулись на ноги, и жилистый проговорил извиняющимся тоном:

– Прости, видящий, нашего брата! Не знали мы, кто ты таков! Извинения прошу и за него и за нас. И, надеюсь, ссора меж нами останется. Просим к столу нашему!

Буеслав, вытирая рот, очумело посмотрел на своего невольного противника, потом сполоснул водой лицо и расхохотался:

– Ловко ты меня, брат! И поделом!

Стера поднял оторванный рукав, прислонил к рубахе, вздохнул с сожалением и полез в вещевой мешок. Волкодавы смотрели на него серьёзно и ожидающе. А видящий покопался в мешке, вынул алую накидку и аккуратно положил рядом с рушником. Затем достал нитку с иголкой и проговорил миролюбиво:

– Не за что прощать, человек из братства волка! Мы люди взрослые – повздорили и разобрались. А за приглашение спасибо! Коли чайком угостите – не откажусь!

Волкодавы выдохнули облегчённо, и девушка подскочила к Стере:

– Позволь я рукав пришью? Меня Веей звать!

– Стера, – представился тот, стянул через голову рубаху и протянул заалевшей девушке.

Глава 8

Дрова в костре потрескивали, котелок наконец закипел, и жилистый ловко снял с огня посудину, вкинул туда пучок одуряюще пахучих трав, перемешал деревянным вёселком, а после стал разливать получившееся варево по кружкам.

– Я – Хват, – представился он, протягивая одну из кружек Стере, – Вот тот здоровяк – Жито. А этот, с серьгой в ухе – Дредай. Боец хороший, хоть и балабол.

Подошёл выбравшийся из пруда задира, протянул видящему руку и пожал крепко, с чувством:

– А я Буеслав. Ты не держи зла. Мы тут Ауку ищем уже вторую неделю, и всё никак.

– Ауку? В поле? – изумился Стера, – Эта ж нежить в лесу живёт.

– В лесу, – подтвердил жилистый Хват. Да токмо тут такое дело странное – в поле завёлся. Как и где прячется – непонятно. Но уже четыре жертвы было.

– Да точно ли Аука? – видящий попробовал варево на вкус, достал маленький туесок с мёдом, добавил чуть тягучего золота в чашку и неторопливо помешал. Предложил мёд волкодавам и Жито взял благодарно. В его огромной ладони туесок утонул, как напёрсток, и Стера с восхищением посмотрел на настоящего богатыря. Рыжего, огромного, в сажень ростом и почти в сажень в ширину.

– Точно, – Хват, самый невысокий из волкодавов, явно выполнял роль старшего: – Трупы, которые в поле нашли, обглоданы Аукой.

– И как определили? – заинтересовался Стера.

– На костях следы зубов характерные, – Хват достал книжицу потрёпанную и стал листать. Подошёл к Стере и присел рядом: – Смотри, видишь бороздки какие на твёрдой поверхности нарисованы? Это зубы Ауки. И следы возле трупов его, вот, смотри, на следующей страничке!

– Ого, – удивился видящий, рассматривая не столь картинки, сколь саму книжицу: – Это у всех волкодавов такие?

– У каждой команды, – кивнул Хват.

Вея закончила пришивать рукав, откусила нитку, бережно воткнула в катушку иголку и передала рубашку Стере:

– Почти как новая! Хорошо, что по шву рукав оторвался!

– Благодарствую, – парень улыбнулся счастливо, отставил кружку, натянул рубаху и вновь взял напиток, отхлебнул блаженно и прислонился спиной к дереву. Прикрыл глаза, прислушиваясь к полуденной тишине и предложил: – Хотите, могу в поисках подсобить?

Хват глянул удивлённо, а Дредай мотнул головой так, что серьга в ухе качнулась, и спросил:

– И сколько помощь стоить будет? А то, может, овчинка выделки не стоит?

Стера глянул на волкодава удивлённо и произнёс:

– Мы денег не берём. А ежели кто и хочет отблагодарить – в братство видящих пожертвование вносит.

– Это как? – округлил глаза Дредай, – А ежели я не захочу платить?

– Значит, не плати, – просто улыбнулся Стера.

Тонкогубый волкодав вновь мотнул головой удивлённо и произнёс:

– И как вы не разорились ещё?

– Мир добр, – лениво разомкнул губы видящий, – И люди добро помнят. Так помогать вам или нет?

– Я бы от помощи не отказался! – твёрдо сказал Буеслав и оглянулся на побратимов.

– Я тоже согласна! – произнесла Вея и густо покраснела вновь. Впрочем, её товарищи сделали вид, что не заметили смущения девушки.

– Жито – за! – пробасил здоровяк.

– Большинство согласны, значицца и обсуждать нечего, – улыбнулся Стере Хват, – Поможешь – будем благодарны!

Стера, который только-только глаза прикрыл, отомкнул левое веко, глянул вбок куда-то и произнёс:

– Шиш, а ну, пошукай нежить Ауку. Знаешь, как выглядит? – видящий помолчал немного и добавил: – Ростом с жеребёнка. Мерзкое и волосатое, на двух лапах передвигается, но передние лапы длинные и как руки, по земле волокутся. Тут в полях кроме неё нежити и не будет больше. Ежели только Полевик. Но та мерзость мелкая и малоопасная.

Парень вновь прикрыл глаз, но теперь волкодавы, обуянные любопытством, сгрудились вокруг видящего.

– Стера, – негромко позвал парня Хват, – А это ты с кем гуторил сейчас?

Стера вновь открыл глаза, вздохнул тяжело, сорвал травинку и принялся её жевать:

– С духом одним. Увязался тут за мной.

– А вы... с духами и говорить можете? – спросил охрипшим голосом Дредай.

– С духами все говорить могут, – пожал плечами видящий, – Просто не все духов увидят. А из видящих ещё меньше ответы услышат. А так – болтай на здоровье. Духи слышат хорошо любого.

– Однако, – покачал головой Хват. Но больше не сказал ничего. А Стера оглядел всех своими голубыми глазами, в которых будто небо отразилось, и спросил:

– Могу я теперь подремать немного?

– Конечно-конечно, – даже руками замахал Хват и цыкнул на остальных, чтоб не лезли больше к видящему.

Впрочем, сами волкодавы тоже подремать решили. Развалились кто-где по поляне, кроме Буеслава, коего Хват караульным оставил. В июньский полдень двигаться куда-то – смерти подобно. В степи да в лугах от жары сомлеешь быстро, и никакая вода не поможет. И Ауки не надобно, чтобы упал, солнцем ударенный, да так и умер до вечера на солнцепёке. Потому на открытой местности замирала жизнь летом. Даже косари, пахари и прочий крестьянский люд работали с раннего утра, когда только-только солнышко встало, то есть, с пятого часа, да чуть не дотягивая до полудня. А после два часа прятались, как мыши в норах, кто где: под сенью деревьев, в хатах, возле водоёмов. В общем, где угодно, главное – не под лучами жгучего, как пламя, солнца. А после, ежели лето – и до конца дня работали, пока совсем сумрак не опустился на землю.

Вот и сейчас что волкодавы, что видящий подремали глубоко за полдень, и лишь когда жара спадать начала, зашевелились. Буеслав поднялся первым. Быстро умыл лицо в пруду, прихватил котелок, да потопал к роднику, бьющему возле водоёма прямо из холмика. Искристая, холодная до зубовой ломоты вода билась тонкой струйкой, да разбивалась чуть ниже, превращаясь в ручеёк, деловито журчащий по небольшому устью в пруд. Буеслав подставил котелок под струю, набрал водички и как был, босиком, потопал прямо по колючкам назад к костру. Только хотел котелок над огнём повесить, как Жито протянул руку и попросил сиплю:

– Дай водицы испить! – да и выхлебал весь котелок одним разом.

Буеслав только крикнул с досады, но снова к роднику потопал. Когда вернулся вдругорядь, уже Хват попросил:

– Дай и мне попить, друже!

Буеслав глянул на него диковато, но котелок протянул. Хват выхлебал половину, и к котелку руки Дредай протянул, который и допил всё до дна. Протянул посудину Буеславу, но тот только отмахнулся:

– Сам набирай теперь! – и демонстративно завалился на траву.

Дредай захохотал залиvisto и побежал к роднику. Не успел котелок набрать, как видящий встрепенулся и повернулся к Житу:

– Нашли мы вашего Ауку. В паре вёрст отсюда в берлоге прячется.

Волкодавы схватились, как один, и принялись сосредоточенно собираться...

Глава 9

Стера напросился с волкодавами сам. Очень уж любопытно было глянуть, как работали люди из братства волка. Они, в отличие от видящих, готовились не с самого детства и не за стенами монастырей. Вернее, готовились с детства, да к другим подвигам. Чаще – ратным. А потом уже в зрелом возрасте разными дорогами приходили к братству. Волкодавам не нужно было особых умений или видения. Хватало отчаянной отваги да бесстрашия. Ну, и чтобы руки твёрдо оружие держали, будь то копьё с посеребрённым наконечником, лук или меч. Тоже посеребрённый, так как нежить другим оружием убить в разы труднее. А от серебра почти любая нежить раны получала. А охотники за нежитью получали куны.

Да и устроено братство волка было по другому принципу. Если «видящие» задания получали централизованно, из монастырей и шли, куда прикажет иеромонах, то волкодавы могли бродить вовсе бесцельно по княжествам да королевствам. Они не были неприкасаемыми, как уничтожители душ, да и не стремились к этому, частенько становясь героями трактирных драк и поножовщины. Привыкшие к риску и смерти волкодавы и отрывались лихо, отчаянно. Пропивали заработанные куны, да творили безобразия. За то частенько сиживали в казематах. Потом их выкупали братья, и те вновь шли искать приключения и нежить. И вновь рисковали головой за куны.

Большая часть тех, кто приходил в братство, погибали в течение года. Либо бежали из братства. Те же, кто выживал и задерживался на более долгий срок, становились профессионалами лютыми. Такими, что любая гвардия князей позавидовала бы. Вот и Хват обмолвился, что команда их уже шестой год работает, значит, по всему – опытные. Вот и интересно было Стере на их работу посмотреть. И посмотреть оказалось на что. Смуглянка Вея оказалась лучницей. И по тому, как натягивала тетиву, как оглаживала плечо лука и положила стрелу на полочку, как послунявила пальцы, чтобы определить силу и направление ветра – лучницей не просто хорошей, а исключительной. Жито же достал палицу и перекинул огромный щит со спины вперёд, укрепив на левой руке. Хват расчехлил длинное копьё, сверкнувшее серебряным наконечником, а Дредай достал из заплечного мешка сеть с грузилами по краям. Буслав оказался двоеруким бойцом, достав два клинка и изящно махнув ими крест-накрест.

Да и по тактике группа действовала интересно и слажено. Когда отряд приблизился к берлоге, где засел Аука, Вея тут же встала с луком в двух десятках саженей от входа. Достала полдюжины стрел и воткнула возле себя в землю, чтобы удобнее было хватать и стрелять на скорость. Жито обосновался чуть впереди и левее от Веи. Упёр нижнюю часть щита в землю, отвёл назад палицу и стал играть роль заградотряда для лучницы. Хват и Буслав выдвинулись к берлоге, а за ними сторожко шёл Дредай с сетью наизготовку. Аука днём был не так активен, как ночью, но мог и на солнце беды наделать. Огромный, как жеребец, с длинными передними лапами, заканчивающимися острыми, как сабли, когтями, Аука в бою мог одоспешенную дружину в дюжину бойцов какого-нибудь дворянина покрошить за раз. А тут – всего пятеро людишек. На один зуб, считай!

Примерно так Аука и думал, когда вальяжно выбрался из берлоги. Даже не подумал, что на него охота – себя охотником представлял. И тут же схлопотал первую стрелу. А Стера, который стоял сразу за Веей, понял, почему девушка стала левее, а остальные бойцы подбирались справа – чтобы траекторию и обзор не закрывать. Стрела Веи вонзилась нежить в брюхо – чуть ниже груди, и Аука завыл-заорал дурным голосом, когтями пытался вырвать стрелу и располосовал себе живот. В это время Дредай метнул сеть, и та накрыла нежить. Вместо того, чтобы разорвать тоненькую паутинку, Аука заорал ещё громче, скорчился под тонкими нитями, и Хват подскочил бегом и с разгону всадил копьё в чудовище. Пробил брюхо насквозь, пригвоздив нежить к земле. Упёрся в древко, пытаясь удержать быющуюся тварь. А Буслав подскочил,

и как только нежить одной лапой прорвала всё-таки сетку, взмахнул клинком, и покатилась в траву отрубленная конечность.

Рёв Ауки захлебнулся, превратился в бульканье, а Дредай замахнулся вторым копьём и ударил чудище в грудь. К земле не пригвоздил, но пробил нежить почти насквозь, и заворочал копьём с посеребрённым наконечником внутри. А Буеслав изловчился, сдёнул сетку и замахал клинками, кроша нежить. Взмах! И полетела в траву вторая лапа, ещё взмах! И на груди образовался огромный порез. Ещё! И покатилась голова нежити, а тело задёргалось, засучило необрубленными лапами по зелёной траве.

– Держи! – заорал Хват, упираясь в древко, пытаясь удержать агонизирующее тело. И Дредай тоже навалился на своё копьё, проткнув, наконец, нежить, и пригвоздив к земле. А Буеслав бегал вокруг и рубил, рубил. И уже через пару минут остался лишь обрубок, прибитый к земле двумя копиями.

Стера увидел, что Вея деловито снимает тетиву с плечей лука, сматывает её и засовывает в кожаный мешочек. Из земли достаёт стрелы, тщательно вытирает наконечники и складывает их одну за другой в колчан. Жито положил щит, зацепил на пояс булаву и поволок к нежити мешок с дровами, который всё это время тащили на себе волкодавы. Хват быстренько развёл

костёр, Буеслав и Дредай надели толстые кожаные варежки и стали кидать куски нежити в костёр.

– А варежки зачем? – почему-то шёпотом спросил Стера у девушки.

Вея глянула на парня с удивлением, но потом вспомнила, что он не волкодав, и ответила терпеливо:

– Нежить всякая бывает. Часто – ядовитая. Взялся рукой и пошли волдыри. Хорошо, если поболеешь, да просто кожа слезет. А так – и умереть можно.

Девушка помолчала и добавила:

– Мучительно, – она спрятала последнюю стрелу в колчан: – В прошлом году один из наших схватился сдуру за Багу. Гнить изнутри начал. Умирал долго и плохо. Не один месяц. И всё это время пекло его изнутри, и он внутренности выхаркивал.

В это время остальные волкодавы уже покидали в костёр все части нежити, кроме головы. Башку Ауки с помощью всё тех же варежек Буеслав закинул в деревянную торбу и захлопнул крышку.

– Готово, командир! – провозгласил он, и Хват кивнул отстранённо:

– Хорошо, собирайтесь, за наградой пойдём.

Потом он повернулся к Стере и спросил:

– Тебе в какую сторону, видящий?

– Мне в волостное село Подзор, – развёл руками Стера, и Хват улыбнулся краем губ:

– Тогда нам по пути. Хочешь – пойдём вместе. Всё веселее будет!

Стера кивнул согласно и смотрел, как волкодавы собирают свои немудрёные пожитки, оставленные за половину версты от берлоги. А потом компания вышла на дорогу и пошла на восток. Вначале шли молча, а потом Хват сказал:

– Хорошо бы монахам из братства видящих с нами объединиться, а? – и повернулся к соратникам.

– Конечно, хорошо, – Дредай вытер пот со лба: – Мы месяцами ищем, а тут час времени, и мы уже знаем, где Аука укрылся. Он за три недели четверых путников сожрал. За месяц ещё больше бы было.

Стера пропустил мимо ушей разговоры об объединении, потому как слышал их великое множество раз от видящих, и посчитал нужным ответить только на одно высказывание:

– Мы не монахи!

Вея мучительно покраснела при словах Стеры, впрочем, её соратники деликатно промолчали. А вот Буеслав удивился вдруг:

– Как не монахи? Вы ж в монастырях живёте?

– В монастырях, – кивнул Стера, – И учимся в монастырях. А потом, как и вы, по свету бродим. Но только мы не монахи. Нас не постригают.

– Это как? – вновь недоумевал Буеслав.

– А так, – хмыкнул Хват: – Не все ж, кто в лесу живёт – волки?

Глава 10

Волкодавы забрали из рощи своих лошадок и навьючили на них весь свой скарб. Предложили и Стере закинуть заплечный мешок на спину лошади, да Стера заупрямился. Сказал, что привык свою ношу сам нести. Да и Уголёк предпочитал сидеть на заплечном мешке, когда не носился, как угорелый, вокруг тронувшейся в путь компании. А компания шла не быстро. Спешить было некуда, потому мышцы чрезмерно натружать надобности не было. Поначалу выдвинулись молча, да опосля охота узнать друг о друге побольше пересилила ленивую немоту. Заговорил первым Дредай, картинно играя бровями, да потряхивая головой, отчего серьга в ухе покачивалась:

– А зачем вас в монастыре тренируют, ежели вы монахами не становитесь? – спросил он Стеру. Видящий неопределённо пожал плечами и проговорил смущённо:

– Не знаю я. Так повелось, видимо, – белобрысый парень посмотрел вдаль и произнёс: – Первый видящий был монахом. При монастыре и образовал братство.

– Ну, братство волка тоже при монастыре образовали, – качнул головой Буеслав, – Однаж никто из нас по монастырям не живёт и не учится.

– Так дурака учить – только портить! – невинно произнёс Дредай, и вся компания рассыпала горох хохота по степи, пугая сусликов да мышей, рыскающих в траве. Впрочем, сам Буеслав хохотал чуть ли не громче всех. Он вообще любил посмеяться и не боялся быть смешным.

– То-то ты ни одной буквы и не выучил, – отсмеявшись, подмигнул он Дредаю, – Боишься быть испорченным!

– Мужика не буквы портят, дубина ты, – с ноткой покровительства ответил тонкогубый франт, – Впрочем, тебе ещё рано об этом знать, да, Вея?

Девушка вновь густо покраснела и молча отмахнулась от Дредая рукой. А тот не унимался, и вновь обратился с расспросами к Стере:

– А чему вас вообще там учат, а? Али секрет какой?

– Почему секрет? – Стера сорвал травинку, надкусил и шёл так, со стебельком в зубах: – Учат разному. Грамоте, с оружием управляться, зелья варить всякие.

– Ну, зелья – это годно! – солидно заявил Жито: – В Медяне бабулька одна такое зелье варит – пара чашек – и ты уже обезножил!

– Сдаётся мне, что от зелий видящих ты б не просто обезножил, но и обездушил, – хохотнул Хват, искоса глянув на Стеру.

– У нас лечебные зелья, – улыбнулся простодушно видящий: – Людей спасать, которых духи пили. Или в которых вселялись.

– Одержимых, что ли? – в неподдельном испуге спросил Буеслав, – Их рази можно спасти?

– Можно, – серьёзно кивнул Стера, – И нужно даже. Духи, которые тела захватывают – очень коварные. Но в другое тело не заселятся, пока староеместилище живо! И если духа из тела выкинуть, а жизнь и разум человеку сохранить удастся, покуда он жив – дух будет по земле бесплодно скитаться. Пока его видящие не найдут.

– Так духи живут сколько? – переспросил Дредай, – Умыкнулся в чащобу – да ищи-свищи его там. А умрёт тело – иди новое захватывай.

– Не-е-е-е, – протянул Стера и выплюнул травинку: – Ты вот что любишь более всего?

– Я-то? – переспросил Дредай.

– Ты-то, – передразнил его Хват, – Что ты вечно вопросом на вопрос отвечаешь?

– Знамо, что он больше всего на свете любит, – встрял Буеслав: – Баб с во-о-о-от такими задницами! Чтoб как самая большая тыква на огороде!

И волкодав даже руками размеры попытался изобразить, раскинув длани в разные стороны, будто пытаясь горизонт обнять. Компания вновь захохотала, а отсмеявшись Стера продолжил:

– Ну, и представь, что вот они рядом бабы, с задницами в тыкву, а ты пошёл в чашу отсиживаться. Представил?

Дредай на мгновение задумался и мотнул головой:

– Не могу представить даже такое!

– Вот и духи не могут. Потому всегда рядом с людьми будут. Какую бы опасность это для них ни таило. Очень уж их манит плоть человеческая.

Все немного помолчали, и Дредай вновь заговорил:

– А оружие вам зачем? Духа разве мечом сразишь? И варили бы зелья свои.

Стера с весёлым любопытством глянул на волкодава и проговорил задумчиво:

– Когда ты молчал – умнее казался.

Компания опять заржала, а Дредай спросил, ухмыльнувшись:

– Так, может, пояснишь такому глупому, зачем вам оружие?

– А одержимого я чем сражать буду? – теперь уже Стера ответил вопросом на вопрос: – Молитвой? Или улыбкой?

Потом посерьёзней на долю и проговорил:

– Вы с одержимым сталкивались хоть раз?

Хват глянул тревожно и ответил:

– Лично мы не сталкивались, но пару раз я видел, что одержимые с деревнями делали. А ещё вёсен пять назад одержимый искромсал нашу команду, из братства волка. Шестерых порешил в одиночку! А команда, говорят, была одна из сильнейших!

Стера кивнул серьёзно:

– Силы и скорости у одержимого в разы больше, чем у обычного человека. Потому дух, как только вселяется в тело, тут же начинает его укреплять и усиливать.

– Потому одержимые уродливые такие? – понятиливо переспросил Буеслав.

– Потому, – видящий легонько постукивал посохом по дороге, – Усиливают колени, локти, отчего те раздуваются. Зрение усиливают, потому глаза у одержимых, как у жаб. Клыки наращивают и прочее.

– Как упыри? – спросил вдруг Жито.

– Упыри – это нежить! – покачал головой Стера. – И они и рядом не валялись с одержимыми.

– И ты хочешь сказать, – Дредай качнул серьгой в ухе, – Что видящий может в одиночку одержимого убить?

– Сразить, – поправил его Стера, вновь ткнул посохом в дорогу перед собой и добавил: – Нас этому учили.

– Почему сразить-то, а не убить? – спросил Буеслав, – В чём разница?

– Убить духа нельзя, он итак не очень жив, – неохотно проговорил Стера, – Потому видящие его развоплощают, отправляют в иной мир из нашего. А убить можно только живое. Вот и говорим «сразить», а не убить.

– Погоди, – вскинулся Хват, – Если одержимый сильнее упыря, а ты одержимого убить, тьфу ты, сразить сможешь, то упыря совсем уж запросто?

– Наверное, – пожал плечами Стера и вся компания громко захохотала.

– Насмешил, – вытирая слёзы произнёс Жито. – Мы позапрошлой весной с упырём бились. Еле-еле впятером совладали. И то Дредая, вон, зацепило слегка.

– А одержимый другую команду как волк щенков порвал. Да? – сощурился Стера, и волкодавы примолкли вдруг.

– Да мы не над силой одержимого смеёмся, а над твоим бахвальством, – рассудительно сказал Хват, – Одно дело Буеслава в пруду искупать, и другое – в одиночку одержимого сразить! Тут або секрет какой есть, або хвастун ты, парень, хоть и видящий.

Стера вновь пожал плечами, показывая, что, мол, хотите верьте, а хотите – нет.

Но Дредай, которого слова видящего зацепили, всё не унимался:

– Это, выходит, ты и нас пятерых смог бы... сразить?

– Да мы с людьми не сражаемся, – удивился Стера, – Чего мне вас сражать-то?

Жито побряхтел немного и спросил:

– А на кулаках? Со мной? Слабó?

Глава 11

Остановились тут же, прямо посреди дороги, и Стера аккуратно поставил заплечный мешок на обочину. Потянулся лениво, с кошачьей грацией и спросил чуть виновато:

– Может, передумаешь, Жито? Вдруг, я удар не удержу?

Дредай оглушительно захохотал, глядя на тщедушного по сравнению с огромным напарником паренька:

– Можешь не сдерживаться, видящий. Об Жито не одна оглобля была сломана. И, как видишь, живой и здоровый он.

Сам Жито засопел и повёл бычьей шеей. Пробасил примиряюще:

– Я тебя сильно бить не буду, Стера.

Видящий улыбнулся застенчиво и кивнул:

– Тогда и я поостерегусь.

Волкодавы разошлись, оставив двух поединщиков друг против друга. Хват поднял руку и скомандовал:

– Начали!

А потом невероятное произошло. Стера смазлся весь, превратившись в белобрысый вихрь. Буквально мгновение минуло, а Жито лежал на земле, хватая ртом воздух, да Стера стоял над ним виновато, разжимая кулаки.

– Вот это вот пирожки с котятами! – испуганно и восхищённо произнёс Дредай. – Я такого отродясь не видывал, братцы!

Даже Хват, будто не доверяя увиденному, протёр глаза и сказал:

– Это ты и Ауку мог безо всяких сетей нашинковать, а?

Стера вновь смущённо улыбнулся:

– Мы нежить в самом крайнем случае сражаем. Ежели на пути встретится и надо людей оборонить. Специально за ней не гоняемся. Наше дело – духи.

Буеслав оторопело смотрел на белобрысого паренька и выдохнул вдруг:

– Это же ты меня там, на пруду, запросто убить-то мог?

– Да почему? – с досадой спросил Стера, – Я ж говорю – мы с людьми не сражаемся!

– И слава Богу, – пробурчал Хват, мотнув головой. – Впрочем, люди тоже видящих не трогают никогда!

– Жизнь человека священна, – Стера закинул вновь заплечный мешок, помог подняться Житу и спросил: – Пойдём, что ли? Солнце уже сядет скоро. А до ближайшего хутора ещё две версты топать.

– Откуда знаешь? – спросил Буеслав.

– Шиш сказал, что впереди поселение из трёх дворов. Явно хутор, не деревня и не село. Жито выдохнул и сказал:

– Так давайте поторопимся! Надоело в полях ночевать, да комарьё кормить! Хочу уже на сеновал!

– И кашки бы похлебать, – мечтательно подкатил глаза Дредай.

– С тыквой? Вот та-а-акой? – развёл руки в стороны и спросил Стера, и степь вновь огласилась раскатистым хохотом волкодавов.

Компания ходко пошла по дороге, и минут через двадцать уже подходила к зажиточному хутору. То, что хутор был зажиточный, виделось сразу. По добротным заборам-частоколам из крупных, хорошо ошкуренных брёвен. И по выглядывающим из-за заборов крышам бревенчатых изб. Ворота всех трёх усадеб были закрыты, хотя солнце только-только нависло над горизонтом, примериваясь половчее упасть вниз. Волкодавы удивлённо переглянулись, и Дредай проговорил тихо:

– Может, лихого люда бояться?

Хват повёл нервно шеей и сплюнул в дорожную пыль:

– Это почти в центре губернии? Тут до Медяна вёрст двадцать всего!

Буеслав молча сдвинул ножны с мечом к переду и отстегнул ремешок, закрепляющий меч, дабы выхватить его в случае опасности без задержек. Жито покосился на товарища и так же молча пошёл к лошади. Отстегнул от седла палицу и положил её на плечо, крепко ухватив за рукоять. Дредай с Хватом расчехлили копья, и даже Вея, посмотрев на соратников, достала лук и ловко пристегнула тетиву. А потом сняла с лошади колчан и быстро закрепила на спине за плечом. Стера спокойно посмотрел на приготовления волкодавов и ходко пошёл к первому забору. Компания сторожо потянулась за ним. Хват хотел было сказать что-то, да сплюнул вновь и рукой махнул.

Когда до ворот первой усадьбы оставалось не более десятка сажень, из-за забора вдруг раздался глухой голос:

– Холера у нас, люди добрые! Идите с миром мимо!

Путники остановились, как вкопанные, а Стера с каким-то болезненным любопытством принялся рассматривать мощный забор. Потом скинул с плеч свой вещевой мешок, покопался в нём и достал алую накидку. Набросил на плечи и позвал негромко:

– Выглянь-ка на миг!

За забором застонал кто-то, послышался шорох и грубый голос прокричал:

– Видящий, ступай с Богом мимо! Нам помощь не требуется!

– Это мне судить, требуется ли вам помощь, – ответил Стера, и от тона его вздрогнули волкодавы, так как была в этом голосе сталь, о которой и не подозревали невольные попутчики, – Открывайте ворота во имя Господа!

– Ты же знаешь, что не откроем, видящий! – вновь раздался из-за забора тот же голос: – У нас тут три жинки и пятеро детей! Не уйдёшь – ей же ей – порешим всех!

Стера внимательно посмотрел на дубовые ворота, которые и тараном враз не прошибёшь, на частокол в два человеческих роста из брёвен, заострённых сверху. Посмотрел на клонящееся к горизонту солнце и сказал помягче:

– Если крови на вас ещё нету – отпущу! Слово даю!

– Есть на них кровь! – взвился к небесам истошный женский вопль, – Убейте их всех!

Послышался звук удара и женский крик захлебнулся вдруг. А из-за забора вновь раздался грубый голос:

– Вот и побалакали, отче. Иди, куда шёл! Нам терять нечего, но кровь видящего не хотелось бы на свои руки брать.

Стера покачал головой и спросил:

– Если уйду – обещаете всех в живых оставить и самим уйти отсюда без добра?

За забором завозилось, зашуршало. Хвату показалось, что он даже слышит злобный шёпот-переругивание лихих людей. В том, что именно лихие люди захватили хутор, теперь не оставалось никаких сомнений. А Стера повернул голову чуть вбок и сказал тихо:

– Всё осмотри! Кто! Где! Сколько их!

А потом так же внимательно уставился на забор. Спустя несколько минут из-за забора послышался тот же голос:

– Обещать мы тебе ничего не будем, видящий! Мы не хотим тебя убивать, но ежели останешься – порешим, клянусь! Просто иди, куда шёл.

– Так я сюда шёл, – просто ответил Стера, – Потому отворяйте ворота. Больше я с вами гуторить не намерен!

Солнце уже коснулось горизонта, но света ещё было много, и Хват ругал себя, что подошли всей толпой, не подумали разделить, чтобы часть зашла сзади. Тогда была бы возможность перелезть через забор незаметно и напасть на татей с тылу. Сейчас же разделяться было

глупо. И Стера и пятеро волкодавов были у разбойников на виду. Хват приблизился к видящему и спросил тихо:

– Что делать будем, брат? Дуром погрём на забор – могут из луков расстрелять или копьями заколоть. Да и ворота не вышибем.

Стера покусал губы и ответил не менее тихо:

– Их там внутри пятеро. Двое тяжело ранены, обмотанные лежат, а трое здоровые. Двое возле ворот, а третий возле женщин и детей стоит. Те связанные прямо посреди двора.

Глава 12

Хват переминался с ноги на ногу, а Стера всё так же улыбался, и буравил ворота взглядом, будто прожечь хотел. А потом произнёс, еле шевеля уголками губ:

– Если Жито к воротам подбежит, я по нему смогу через забор перемахнуть и попытаться людей спасти. Но предупреди, что стоять он должен, как дуб! Прямо по нему побегу и с него прыгать буду!

Хват тронул плечо видящего, показывая, что понял, и отошёл назад к волкодавам. Быстро рассказал Житу, что нужно сделать и тот пробасил:

– Готов, Стера!

– А готов – давай! – сказал видящий и Жито рванул к частоколу. Подбежал и влип в брёвна, напрягся максимально, готовясь принять тело видящего. А тот следом бежал. Ухватил руками за плечи богатыря – миг – и уже ногами на плечах стоит. Присел и прыгнул вверх, уцепился за острые концы брёвен и переметнул крепкое, жилистое тело на ту сторону. Вея натянула лук, направила на частокол и оскалилась хищно, будто не женщина – волчица настоящая! Дредай возле неё остался, следуя главному правилу – один из бойцов всегда охраняет лучника. А Хват с Буеславом рванули к воротам. Стали колотить в дубовые створки, да без толку. Даже под острым клинком Буеслава морёный дуб еле подавался.

А во дворе раздались сдавленные крики, шум и спустя одну минуту ворота вдруг распахнулись, и перед волкодавами предстал потный, запыхавшийся видящий. Накидка его была разорвана, а на груди большой порез. Вея ахнула, отбросила лук и кинулась к парню. А Стера закинул свой клинок в ножны и сказал:

– Разбойники без сознания. Связать надобно! – и грустно посмотрел на разорванный плащ.

– Ты ранен! – Вея подскочила к видящему и стала судорожно расстёгивать запачканную кровью рубаху. Дредай с Хватом забежали во двор, а Буеслав потащил из сумки бинт.

– Да нет, ерунда, – Стера смутился, пытался отстранить девушку: – Царапина вовсе!

– Не егози, – нахмурилась девушка, и шлёпнула видящего по руке. Расстегнула рубаху и посмотрела на рану. На левой части груди снизу вверх, чуть наискось, шёл глубокий порез. – Буй, бинт давай!

Девушка требовательно протянула руку напарнику, и тот протянул моток перевязочного материала.

– А ты чего стоишь? – Вея хмуро посмотрела на Стеру: – Руки вздымай!

Парень вздохнул тяжело и поднял вверх руки, будто сдаваясь перед настойчивостью девушки. Та отцепила от пояса пузырёк, зачерпнула оттуда густую жижу зелёного цвета и стала мазать рану, отчего видящий ойкнул, но тут же прикусил себе язык. Вея ловко обработала порез, и сноровисто стала вязать вокруг груди бинт. Пара минут, и она уже стягивала узел, потом придирчиво осматрела дело рук своих и кивнула удовлетворённо:

– Опускай руки!

Стера с облегчением выполнил приказ и поёжился немного:

– Можно рубаху новую из мешка возьму?

– Бери, – махнула рукой девушка и подняла с земли разорванную, испачканную кровью одежду. Посмотрела критически и промолвила: – Только на тряпки или заплатки!

Стера поплёлся к мешку, а Вея подняла с земли и разорванный плащ. Придирчиво осматрела его и крикнула в спину видящему:

– А накидку зашью – лучше новой будет!

Жито тоже зашёл во двор и через пару частей выволоч двоих связанных разбойников. Ещё одного, ругаясь и сплёвывая, не сильно и церемонясь, проволокли за ноги Хват и Дредай,

и бросили небрежно в дорожную пыль рядом с двумя предыдущими. Потом вернулись назад и выволокли двоих раненых. Хват сплюнул, посмотрел на раненых и решил:

– Буеслав, эти всё равно не жилыцы...

Молодой волкодав кивнул понятиливо, выхватил клинок, махнул два раза и головы татей, отделённые от тела, покатались прочь.

– А с этими тремя что? – Буеслав, будто и не убил только что двоих, говорил спокойным голосом. Даже жилка нигде не дрогнула. И Стера, только одевший рубаху, подивился хладнокровию невольного попутчика.

– Этих четвертовать будем, – будто удивился даже Хват, – Они на видящего оружие подняли! Хотя знали, кто он!

– Может, не нужно убивать? – несмело спросил Стера.

– И что же нам с ними делать? – вылупил на видящего Хват.

– Властям сдать, – развёл руками смотрящий.

– Властям? – расхохотался вдруг Дредай, – А знаешь, что власти с ними сделают?

– Что же? – не понимая причины веселья волкодава спросил видящий.

– За разбой и смертоубийство, учинённые здесь, им итак четвертование грозит. А вот за нападение на видящего кара самая страшная – свинец раскалённый в глотки будут заливать, – охотно пояснил Хват, – Потому мы им милость окажем, если четвертуем здесь и сразу.

– Это по закону? – Стера застегнул рубаху, наклонился, взял флягу и принялся жадно пить.

– По закону, – кивнул Дредай, и оживился сразу, заговорил быстрее: – А знаешь, как свинец в глотку заливают? Я видел как-то. Огромная воронка в рот засовывается, и туда льют свинец понемногу. А преступник к столбу привязан плотно. И он даже орать не может. Ему ж свинец выжигает всё: глотку, лёгкие, желудок! Он дёргается у столба привязанный и дымится! И шипит. И непонятно, то ли свинец шипит, то ли преступник шипит тем, что от горла осталось. Жуткое зрелище.

Один из связанных разбойников замычал, задёргался дико, и Стера понял, что тот услышал последний рассказ Дредая.

– Так четвертовать зачем? – дёрнул кадыком Стера, – Может, быстрее как?

– В назидание другим, – хмуро обронил Хват, достав секиру и пробуя пальцем на остроту: – Чтобы остальные тати знали, что банда такая-то пыталась хутор захватить, и их живыми на куски порубали! В их среде быстро такое разносится!

Стера помялся немного и спросил:

– Можно, я не буду смотреть?

Буеслав хотел было пошутить про слишком нежного видящего, да прикусил язык вовремя. Вспомнил, как Стера с голыми руками на троих разбойников кинулся. И не просто кинулся, а победил их. Потому кивнул и повернулся к Хвату:

– Кто казнить будет?

– Жребий кинем, – неохотно сказал предводитель и махнул Стере рукой: – Иди во двор, там Вея выжившим помогает!

Видящий повернулся и зашагал легко в освобождённую усадьбу. Прошёл в ворота и пошёл по двору, где всего несколько частей назад бежал на пределе возможностей, чтобы спасти детей и женщин. Освобождённые хуторяне уже успокоились немного. Перешли к крыльцу и сидели горестно. Две женщины обнимали троих совсем маленьких девочек и мальчика. Ещё двое парнишек постарше стояли хмуро рядом. А третья женщина рыдала над трупом борода-того мужчины – мужа, как понял Стера.

Вея была тут же, наклонилась к сидящим на крыльце женщинам и что-то выговаривала им. Потом распрямилась и заговорила громко:

– Рыдать опосля будем! Сейчас дело делать нужно! – повернулась к скорбящей над мужем и спросила: – Тебя как звать?

– Алевтина я, – прорыдала та, и запричитала в голос: – На кого ж ты нас покинул, соколик мой ясный?

– Голосить потом будешь, – рявкнула Вея, и Стере даже жалко стало рыдающую женщину. Но девушка продолжила в том же тоне: – А ну давай в дом! Поминки готовы!

Когда женщина ушла, Вея сказала тихо видящему:

– Похороны да поминки хорошее дело, чтобы боль хлопотами заглушить. Пока то, сё, суета, и смотришь, уже не рвётся сердце кусками. А потом уже боль не смертельной становится...

Видящий понял, что Вея гуторит о чём-то выстраданном. Глубоко личном. Но выпрашивать не стал, посовестился.

Глава 13

Окрики Веи и повелительный тон сделали своё дело – женщины рванули, кто куда. Одна послала детей за водой. Вторая побежала в погреб за продуктами, чтобы готовить снедь на поминки. Третья, наиболее бойкая, принялась распоряжаться, вытерев лицо рукавом платья. Дело закипело, задвигалось. А Стера спросил, где лопата, и где можно трупы разбойников закопать.

– За хлевом, – плюнула Алевтина и ткнула пальцем на сарайчик, одиноко стоящий за двором. Стера кивнул молча и пошёл туда. Выбрал место, оглянулся вокруг, и, стараясь не слушать истошных воплей умирающих на улице бандитов, принялся копать общую могилу. Видящий рассудил, что хоронить разбойников по отдельности – слишком большая честь.

Яму парень принялся копать не очень и большую: сажень на сажень. Стера успел дёрн снять и углубиться на пару штыков, когда последний крик затих. К тому времени уже совсем стемнело. К Стере подошёл Жито, посмотрел немного на видящего, ушёл во двор и вернулся через пару минут с ещё одной лопатой. Вдвоём дело пошло быстрее. Один накапывал – второй выгребал. Трудились быстро, без остановок. И через час яма была готова. Мужики с трудом выбрались из неё, и Жито так же молчком ушёл к дому. Вернулся с Хватом и Буюславом, притащившим сразу три тела. Волкодавы, не церемонясь, скинули тела бандитов в яму. Дредай приволок завёрнутую холстину, и Стера понял, что там части тел четвертованных разбойников. Видящий отошёл от ямы, достал трубку и закурил, смотрел на звёзды и ждал, когда волкодавы спустят в яму останки всех татей. Поднялся только когда услышал, что яму начали засыпать. Подошёл, взялся за лопату и принялся кидать в яму землю. А потом так же безучастно пошёл во двор.

Там, на деревянном столе прямо во дворе лежали тела погибших хуторян. Все мужики здоровые, бородатые, похожие друг на друга. Две женщины обмывали тела покойников и тихо пели молитвы.

– Три брата жили, – шёпотом принялся рассказывать Дредай, – Могучие! Когда тати налетели, сумели пятерых разбойников убить, а ещё двоих ранили. Если б те детьми ихними не прикрылись – отбились бы!

Стера заиграл желваками и спросил хрипло:

– Священника нету поблизости? Отпеть бы!

– Хват поскачет сейчас, – проговорил Дредай, – В пяти верстах село. К утру привезёт священника местного. Надо могилы выкопать к тому времени. А похороним – и поминки справить.

Видящий кивнул понятиливо и потянулся за брошенной лопатой...

Выехали с хутора волкодавы с видящим только через два дня. После похорон и поминок отдыхали день. А Стере вдовы подарили сразу три новых рубахи. Каждая просила взять, иначе обещали обиду. Видящий их и детей не просто от смерти, от надругательства спас, что пострашнее смерти будет. Стера особо и не отказывался, сложил рубахи в мешок, закинул привычно мешок на плечи да поблагодарил, поклонившись. Так и тронулись снова в путь.

Молчали долго, почти до самого волостного села Подзор, недалеко от которого уже и была родная стерина деревня Глинки. Там решили заночевать, потому как дальше у попутчиков пути расходились. Волкодавы возвращались в губернский город Медян, а Стера хотел повидать родню да дом, где родился и провёл раннее детство. Постоялого двора в волостном селе не было, потому разместились компания во дворе одного из домов у зажиточного крестьянина. Благо, у того три сеновала было, плюс другие хозяйственные постройки. В доме по приглашению хозяина решил спать только Хват. Остальные захотели ночевать на свежем воздухе. Стера выбрал себе пустую клеть, куда и отправился опосля ужина. А когда стемнело, и

к нему скользнула гибкая фигурка Веи, даже не удивился. Принял в объятия юную красавицу и с готовностью ответил на жаркий поцелуй. Опрокинул девушку на расстеленный тулуп, лёг рядом и принялся гладить, целовать податливую девушку. А потом страсть охватила его, и он погрузился в сладкий, тягучий бред-истому, и успокоился вместе с Веей уже под утро, когда заалел край неба. И лежали они вдвоём в обнимку, пока не заснули...

Разбудили их громкие крики и смех. Стера и Вея переглянулись, покраснели оба и принялись одеваться быстро. И уже после вышли во двор, где накрыли завтрак на дворовый стол гостеприимные хозяева. Тем за радость было принимать у себя волкодавов и видящего. Тот разговоров будет в селе. А волкодавы, сидящие за столом на скамье, увидев Стеру и Вею, переглянулись лукаво и улыбнулись. Впрочем, улыбнулись не зло, не обидно, а по-доброму так, понимающе. Позавтракали быстро и волкодавы сделикатничали – ни словом не обмолвились про видящего и свою сестру. Прощались ближе к обеду, и Вея сказала горячо Стере:

– Мы в Медяне седмицу целую будем! В гостинице «Южная»! Если придёшь раньше срока – заходи! – и глянула своими глазищами в голубые глаза видящего так, что у парня голова закружилась. Он кивнул согласно, закинул на плечи свой потрёпанный вещевого мешок и зашагал упруго в сторону Глинок. А на вещевом мешке сидел, поблёскивая чёрными глазами-угольками хорёк и смотрел любопытно по сторонам.

Стера шагал по еле видной дороге в родную деревню, и ему казалось временами, что он узнаёт места. Хотя, как мог он узнать, когда поля да луга везде одинаковые вроде? Да и увезли его отсюда совсем в несознательном возрасте. Считай, ещё пешком под стол ходил. Но, когда завидел Стера вдалеке дома родной деревеньки, затрепыхалось сердце в груди, запрыгало где-то в гортани, будто норовило выскочить, вырваться из плена рёбер. Видящий задышал тяжело и ускорил шаг. И Уголёк посмотрел на хозяина с удивлением. Первый раз увидел у него такую реакцию.

Когда видящий подходил к деревне, навстречу выметнулись три лохматые дворняги. Залаяли грозно, рванули навстречу чужаку. Впрочем, Стера шага не сбавил и не испугался. Звери одомашненные, потому им главное страх свой не выказать. Из-за забора выглянула какая-то баба, но, увидев одинокого путника, успокоилась и пошла обратно к дому. А дворняги подбежали ближе, и шагах в десяти замолчали вдруг, завиляли хвостами и пристроились вслед за путником, провожая к домам. Когда Стера вошёл на деревенскую улицу из двора, откуда глядела баба, вышел кряжистый мужик. Глянул цепко и спросил солидно:

– Здрав буди! К кому пожаловал, али просто путник?

Стера остановился напротив, улыбнулся застенчиво и проговорил:

– Мне бы Здеслава Гая найти!

– Здеслава? – нахмурился мужик, – Так помер он годов пять уже как.

– А жена его? – с замиранием сердца спросил Стера.

– И жена года через два упокоилась, – сказал мужик, и пристальнее глянул на видящего, – А тебе зачем?

У Стеры комок встал в горле, он моргнул и ответил:

– Сын я их...

– Стера? – ахнул мужик, – Которого видящим отдали?

– Стера, – кивнул парень, и мужик заговорил вдруг быстро:

– То-то я гляжу по лицу – будто порода знакомая! Гаевская порода! И нос с горбинкой. И белобрысый. Токма ростом пониже Здеслава покойного, Царствие ему небесное, будешь! – мужик повернулся и заорал вглубь двора: – Ядвига, а ну, сюда беги! Давай, тебе говорю!

И повернулся вновь к Стере:

– А я Аким-бортник! Я тебя мальцом совсем видал. Не помнишь? Дядя Аким.

Стера мотнул головой, а Аким затараторил понятиливо:

– Да где тебе помнить? Ты от горшка два вершка был! А мы с батей твоим дружили крепко! Ты вот что! Давай-ка я тебя к брату старшему отведу! К Колояру! Он в родительской усадьбе живёт!

Глава 14

В деревенской избе, которую Стера помнил смутно, как огромное пространство, полное необъяснимых запахов и тайн, оказалось на удивление тесно. Посередине печка. Справа стол обеденный, придвинутый к окну и окружённый тремя лавками. Ещё две лавки стояли вдоль стен слева и справа от входной двери. Оконца тоже были небольшими. А за печкой стояла большая железная кровать. На ней спали когда-то мать с отцом. Теперь там, как понял парень, спал старший брат Колояр со своей женой Милой. А трое деток спали на печи, где спал когда-то и Стера. Старший брат, увидев Стеру, радости не выказал. Буркнул: «Ну, здравствуй, что ли» да сунул крепкую мозолистую руку. Его супружница и вовсе настороженно глядела на парня, будто сам чёрт к ней в хату ввалился. На детей шикнула и подзатыльниками вытолкала из дому. Потом повернулась к мужу и спросила нарочито громко:

– Ты уверен-то, что это Стера? Каждый проходимец может представляться братом и что, каждому верить?

Видящий потемнел лицом, но смолчал. А Колояр сказал виновато, и непонятно, перед кем вину чувствовал, перед женой или братом:

– Да откуда каждый знает про Стеру-то?

– Да вся округа знает, – визгливо заговорила Мила, грякнув горшком, задвигаемым в нетопленную печь.

– Да что ты, Милка, с ума сбрендил что ли? – попытался усовестить стерину невестку Аким, – Ты на лицо-то его глянь! То Колояр да Млад в мать пошли, а Стера, как Ладомир да Любомир – все в отца! Их рядом поставить – и не отличишь!

Но невестке будто вожжа под хвост попала. Она талдычила, будто остановиться не могла:

– А что лицо? Два глаза, два уха, нос да рот. А белесых окромя Ладомира и Любомира полдеревни! И всех в братья записывать?

– Одурела баба! – охнул бортник, а Колояр стоял нелепо посреди комнаты и виновато улыбался.

Стера с каждым словом бледнел всё больше, но выражение лица не менял. Лишь смотрел пристально на брата, но всё не мог глаза в глаза глянуть. Колояр взгляд уводил в сторону. Тогда парень просто шагнул мимо старшего Гая к столу, и Мила охнула наигранно. Сделала вид, что испугалась. В угол забилась. Колояр шеей повёл, но не сдвинулся с места, будто прирос к полу обеими ногами, как дерево какое. А Стера кинул на стол мешок вещевой, развязал тесёмки и, достав алую накидку и небрежно бросив её на стол, принялся копаться внутри.

– Видящий, – поражённо произнёс Аким, и перекрестился вдруг, – Не зря Здеслав, выходит, тебя, Стерушка, в монастырь-то отвёз.

А Стера достал из мешка кошель, развязал, да высыпал на стол содержимое. Там оказались семь амулетов да семь пар серёжек серебряных. Стера посмотрел хмуро на старшего брата и процедил:

– Амулеты – мужикам – братьям да зятям. А серьги – сёстрам и невесткам. Они из серебра. Злых духов отгоняют.

Стера глянул остро на притихшую враз, испуганную Милу, и сгрёб со стола пару серёг:

– Эта, – особо подчеркнул, – Обойдётся. К такой ни один дух сам не приблизится.

Скомкал, засунул алую накидку в мешок, да пошёл на выход. Колояр так и остался молча стоять посреди комнаты. Зато на улице вместе со Стерой выскочил Аким.

– Эка, как вышло нескладно-то, Стерушка! – запричитал он, – Ты на деревню-то не гневись! Дура баба попалась Колояру! Ну, что поделать? Баба ж дура не потому, что дура, а потому что баба!

Стера остановился резко, и бортник чуть не ткнулся ему в спину:

– Ты вот что, дядька Аким, проследи, чтобы все подарки братьям и сёстрам раздал Колояр! Скажи, что заходил и подарки принёс!

– Скажу, Стерушка, скажу, сынок! – заговорил бортник.

Парень кивнул успокоенно, и размашисто пошёл к выходу из деревни. В это время из дома выскочил Колояр и быстро нагнал брата:

– Стера, – заговорил сбивчиво, – Не сердчай! Мила лягнула, потому что за детей испугалась! Она прощенья просит, вернись! На стол накрывает уже. Говорит, затмение нашло какое-то на неё!

Стера глянул дико на брата и молча пошёл дальше. Колояр прошёл с ним сотню шагов, ожидая ответа, но чуть приотстал, остановился. А после вовсе развернулся и, как побитая собака, понурившись, пошёл домой. Аким уже на выходе из деревни заговорил вновь:

– Стерушка, зайди к нам с супругой! Отобедай с нами! Я же тебя мальцом ещё помню, не побрезгуй!

– Спасибо, дядька Аким, не могу, – мотнул головой видящий.

– Давай мёду хотя б в дорогу дам! – чуть не плача сказал мужик: – Лучший мёд у меня во всей округе. Кого хошь спроси!

Стера остановился, взял руку Акима и вложил туда серьги:

– Дядька, ты жене подари серьги от меня. С наилучшими пожеланиями. И будь здоров!

И зашагал прочь из села. Аким постоял на дороге, глядя вслед уходящему парню, и чуть не завыл от злости:

– Видящего обидели! Ну, дура! Ведьма, как есть!

Сплюнул в траву и пошёл тяжело домой, приволакивая ноги. Будто брёл по вязкому болоту, а не по травке зелёной шёл. А когда зашёл во двор, подозвал жену и бережно раскрыл ладонь, показывая блестящие на солнце серьги.

– Глянь-ко Ядвига!

– Ты где красоту такую взял, окаянный? – охнула супружница, хватаясь за грудь. Серёжки и правда были такими, которые не то что в Глинках – и в волостном селе не сыщешь у купчихи. На двух висюльках ажурились серебряные змейки с зелёными изумрудными глазами.

– Цыц, дура! – прикрикнул бортник на супружницу: – Честь тебе великая оказана видящим! Лично тебе серьги эти подарил! Так и сказал: подари, дядька Аким, жене своей! Значит, не сердает на деревню-то родную!

– Это Стера... Видящий? – задохнулась бабонька. – Да точно ли?

– Сам плащ видел, – перекрестился супруг.

– А чего ему на деревню сердать? – требовательно глянула в глаза мужа Ядвига, и замялся, затоптался на месте мужик. Покряхтел чуть и сказал:

– Обидели его в доме родном люто.

– Неужто Колояр? – ахнула женщина.

– Ежели б, – махнул рукой Аким, – Жинка его, Мила тупоголовая!

– Хоспади, помилуй нас, грешных! – закрестилась, запричитала Ядвига. Аким тоже перекрестился и сказал строго:

– Ты никому только не сказывай!

– А серьги? Серьги-то носить?

– А серьги носи, – кивнул Аким и распрямился гордо: – Пусть видят, что семью Акима видящий одарил! А потом дочери передашь, а та внучке! Видящий сказал – от любого злого духа серьги оградят!

Ядвига тут же потянула из ушей медные, скромные серёжки, сунула в карман на юбке, и принялась аккуратно расстёгивать застёжку на серебряном украшении.

– Аккуратнее, – чуть дыша говорил бортник, но жинка только зыркнула на него гневно глазищами, мол, поучи бабу с серьгами обращаться. Расстегнула, наконец, застёжку и ловко навесила одну, а потом и вторую серьгу.

– Как? – спросила мужа.

Тот молча показал большой палец, и Ядвига улыбнулась смущённо:

– Пойдём, что ли, блинов напеку?

Глава 15

Губернский город Медян строился некогда, как защита от варваров. Детинец был крепким, основательным. Стены – семи сажень в высоту да полторы сажени в ширину опоясывали большую крепость, где за раз уместилось бы с полтысячи народу. Опосля варваров разбили, отогнали далеко, и Медянская губерния стала чуть ли не центром Ивского княжества. Вокруг детинца стали строиться ремесленники, купцы да крестьяне. Город рос, ширился. Через пару веков вновь решили огородить Медян стеной, уже пожиже да поменьше, но, пройдя с полверсты, забросили это занятие, так как за лето, что стена строилась, город разросся ещё шире. А стена эта осталась уже в черте города, окружённая со всех сторон домами и домиками. А потом возле стены этой вырос центральный рынок. А что? Место – удобнее некуда. Вдоль полувёрстной кладки выстроились палатки, образовались торговые ряды. И вначале торговались местные, а опосля и пришлые потянулись. Очень уж у губернского города местоположение удобное было. Стоял он на реке Иве, по которой, выше по течению, столица княжества стольный град Ив располагался. А ещё ниже по течению, прямо на юг, возле города Орешки река Ива в Южное море впадала. И так получалось, что торговая дорога с запада на восток тянулась аккурат через Медян, обходя по дуге столицу княжества.

Стера легко шёл по накатанной сотнями подвод дороге, постукивая посохом. В версте от города остановился на минутку, выпил водички из фляжки и бодро пошагал вперёд. Возле заставы дремали шестеро стражей в тени. На белобрысого парня в пиратской косынке глянули без интереса – обоза нет, в мешке заплечном много не утащишь. Потому даже из-под дуба не встали, под сенью которого и развалились, покидав пики, кто куда. Только старший встрепенулся, увидев ножны с мечом. Шагнул требовательно навстречу с окриком:

– Кто будешь таков?

Стера молча потянул из мешка краешек алой накидки, и старший тут же отступил, поклонился коротко, проговорив:

– Милости просим, видящий!

Услышав последнее и остальные стражи поднялись, взяли пики и приняли вид рабочий и максимально внимательный. Видящий – не начальство, но человек бывалый. Перед таким киселями выглядеть стыдно. А белобрысый подошёл поближе, и служаки увидели на мешке зверька, на хорька похожего. Видящий улыбнулся застенчиво и спросил кротко:

– Не подскажите, где в Медяне гостиница Южная? А то мы токмо в монастыре и бываем своём.

– Южная? – задумался старший и нахмурил лоб, – Это какая же Южной-то будет?

Оглянулся требовательно на своих бойцов, и один из них тут же сказал почтительно:

– Это которая возле рыночной стены! Господина Бузара, значица!

– Это за общественными конюшнями, что ли? – переспросил старший, и страж кивнул согласно.

Старший повернулся к Стере и принялся пояснять:

– Сейчас войдёшь в город и по главной дороге прямо три квартала! Потом увидишь кирпичный дом трёхэтажный, он там один такой. От него повернёшь налево и ещё два квартала прямо. И упрёшься прямёхонько в гостиницу. Вдруг заплутаешь – спроси дорогу, там уже каждый подскажет!

– Да не должен заплутать. К монастырю всяко дорогу найду, – улыбнулся Стера. – Просто про гостиницу не знал, что возле рынка.

Видящий поблагодарил и зашагал в город. Когда отошёл прилично от стражей, повернулся к духу и проговорил требовательно:

– Шиш! Ты в городе не озоруй! Будь рядом со мной. Видящие тебя не тронут, конечно. Но там в городе других духов полно. Кто знает, чем закончиться может.

– Шиш-ш-ш не боитс-с-ся других духов, – зашипел попутчик Стеры, и видящий хмыкнул иронично. Но отвечать на хвастливое заявление даже нужным не посчитал. Шиши – духи не самые большие и мощные. Оттого и прислуживал он Гелло. Потому как частенько случалось, что сильные духи ещё и другими, помельче, себя окружали, чтобы мощь свою усилить.

Стера бодро прошагал три квартала, увидел трёхэтажное здание, но сам найти гостиницу не успел, потому как навстречу ему вывернули... знакомые волкодавы! Шли вдвоём Жито и Хват. Увидев Стеру, заулыбались радостно и бросились навстречу. Жито облапил видящего и пробасил:

– Быстро ты нас нагнал! Мы только вчера сами прибыли.

Стера нахмурился на мгновение, но тут же улыбнулся широко и подмигнул:

– А что время-то тянуть-растягивать? Гостинцы передал и в путь!

– Это правильно! – хлопнул по плечу парня Хват. – Ты с нами пойдёшь, али в гостиницу?

Посмотрел хитро на парня и добавил:

– Вей там. Позавтракала и тоскует сидит.

Стера покраснел густо и спросил:

– А вы куда?

– В самую лучшую в Ивском княжестве оружейную лавку! – пробасил Жито.

Видящий колебался недолго, махнул рукой и сказал:

– Я с вами!

Хват расхохотался и произнёс:

– Настоящего мужика от оружия ничем не отманишь! – и пошагал в проулок. Уже через несколько минут друзья оказались возле неприметной лавки, за которой стояла закопчённая кузня. И Стера даже удивился вначале неказистости строения, уж туда ли попали? Никак эта лавка на лучшую в городе не похожа была. Хват понял сомнение Гая и произнёс:

– Ты на внешний вид не смотри. Встречают по одежке, а провожают, сам знаешь. А у Огнедара лучшее оружие в княжестве! Точно тебе говорю!

Стера решил не обижать приятелей недоверием и шагнул вслед за ними в тесное помещение. Внутри лавка тоже не отличалась изяществом. Зато оружие, которое висело на стенах, и расставлено было на подставках, заставило Стеру замереть от восхищения. Хват улыбнулся, довольный эффектом, и крикнул куда-то вглубь:

– Огнедар! Встречай гостей!

Откуда-то из другой двери вошёл к прилавку огромный, поперёк себя шире мужик в закопчённом фартуке, с рыжей бородой и жилистыми ручищами. Прищурился в полутьму лавки и проревел неуверенно, пытаясь по максимуму смягчить голос:

– Хват?

– Он самый, – засмеялся волкодав, и потребовал: – Показывай, что нового есть. Мы с прибитком неплохим вернулись! И десяток стрел с серебряными наконечниками сразу отложи! Вей наказала без них не возвращаться!

Пока Хват беседовал с кузнецом, Стера медленно обходил оружие. Разглядывал шипастые кистени и длинные бердыши. Трогал секиры и копья. Осмотрел и ощупал каждый меч на стенах. Но остановился и замер перед обычным, казалось бы, кинжалом. Долго смотрел на оружие, боясь вздохнуть сильно. Пару раз протягивал к оружию руку и отдёргивал в последний момент.

– Это единственное оружие в лавке не моей работы, – досадливо проговорил Огнедар. Стера даже не заметил, как гигант подошёл сзади, настолько увлёкся невиданным клинком.

– И... чьё это? – дрогнувшим голосом спросил видящий.

– Да кто знает? – пожал могучими плечами кузнец, – Я из-за металла взял. Говорят, небесный металл, из которого кинжал этот сделан! Хотел я перековать его, да жалко стало.

Стера кивнул медленно и спросил:

– Можно взять посмотреть?

– Бери, конечно, – пробасил кузнец и повернулся к Хвату: – Где ты, кум, такого скромного волкодава-то нашёл?

Глава 16

Хват улыбнулся хитро и подмигнул Житу:

– Стера не волкодав вовсе.

– Ты ко мне стороннего привёл? – округлил глаза Огнедар, а потом нахмурился недобро.

Впрочем, Хват быстро успокоил кузнеца:

– Стера – из братства видящих.

– Ого, – выдохнул кузнец и с опаской посмотрел на белобрысого парня – не обидел ли ненароком? Впрочем, Стера, увлечённый кинжалом, будто не замечал ничего вокруг. Кузнец покашлял смущённо и сказал Хвату: – Пойдём, что ли, чаем вас напою!

Когда кузнец с волкодавами через четверть часа вышли из подсобки, Стера Гай всё так же вертел в руках кинжал. Огнедар подошёл к парню и сказал:

– Может, продать тебе его? Дорогая вещь, конечно, но с видящего цену ломить не буду! Самому за две куны достался, за столько же и продам.

Стера смущённо улыбнулся и признался:

– Нету у меня столько, дядька кузнец. Да и две куны мало очень за такое оружие. В нём... дух заключён, который я знать не знаю! Но дух хоть и смертоносный, но не злой! Хозяина беречь и охранять будет. Потому не дешеви. Торгуй дороже!

Стера осторожно повесил кинжал на место и Огнедар спросил вдруг:

– Хват сказывал, ты с духами воюешь?

– Со злыми воюю, а какие людей не трогают – и я не трогаю.

– А ежели человека не трогает, но работе мешает – поможешь?

Видящий кивнул согласно, и кузнец оживился. Подошёл к Стере и заговорил быстро, сбивчиво, максимально стараясь приглушить свой бас:

– В кузне моей чертовщина происходит! Раньше жар нагонял в горне – железо добела раскалялось за тридцать минут. А сейчас грею-грею – еле алое. Инструмент вечно где зря с утра, хотя вечером, помню, всё на места расставлял-раскладывал. Вот и думаю, может, завелась какая чертовщина? Горн задувает, вещи разбрасывает? Поможешь... – кузнец махнул рукой: – Забирай кинжал!

Стера распахнул глаза, спросил неверяще:

– Если от духа избавлю – вы мне кинжал отдадите?

– Обещаю! Перед Господом Богом! – кузнец приложил ладонь к груди. – Работать полноценно не могу второй месяц!

Парень посмотрел неверяще, потом улыбнулся и спросил:

– Где кузница?

– А тут! Сразу во дворе и стоит! – взревел кузнец, – Идём?

Стера кивнул и пошёл за медведеобразным Огнедаром. Как только зашёл в кузню, осмотрелся пристально и приподнял удивлённо одну бровь вверх. Посмотрел в угол и спросил строго:

– Почто озоруешь?

В углу, съёжившись до незначительных размеров, переливался Огневик.

– Не озоруя я, – прошептал дух, печально поглядывая на горнило, – Я этому дурню помогал раньше, пламя подбавлял, при ковке подсоблял. А он взял, и амулет на печи повесил! Теперь зайти не могу.

– А инструмент чего кидаешь?

– Пытался амулет сбить, – нахохлился Огневик. – Даже раз получилось, но дурень его на место с утра повесил!

Стера повернулся к ничего не понимающим Огнедару и Хвату. Посмотрел на кузнеца:

- Ты зачем амулет на горнило повесил?
- Дык, – растерялся Огнедар, – Купил у торговца, он сказал, что всех злых духов отгонит!
- Злых тут и не было, – вздохнул Стера, – А вот Огневика отогнал. Он тебе и помогал железо добела греть. Сидит теперь в углу и оттуда смотрит, как ты мучаешься.
- Мать моя! – ахнул кузнец, кинулся к горнилу и снял медальон с рунами. Посмотрел на него и спросил: – И что делать с ним?
- С медальоном или Огневиком?
- С медальоном, – кузнец моргнул.
- Можешь выкинуть, али в сундук спрятать, – пожал плечами видящий, наблюдая, как Огневик забирается в самое пламя и радостно там ворочается в языках, кружась и вздымая жар по всему горнилу.
- А Огневик? Вернётся? – спросил Огнедар.
- Уже вернулся, – Стера подмигнул Огневику и сказал кузнецу: – Хочешь, чтобы всегда помогал и не ушёл – не гаси пламя на ночь!
- А ежели пожар? – испугался Огнедар.
- Не будет пожара, – мотнул головой парень, – Огневик пламя никогда не выпустит из печки! В этом не сомневайся даже. А сейчас пробуй железо калить!
- Кузнец засуетился, забегал, схватил брус железный. Надел рукавицу зацепил брус клещами и сунул в горнило. А после навалился на рычаг, качающий меха, заворочал, раздувая огонь. И Огневик завертелся, закружился по печи юлой. Закувыркался в пламени, радостно хохоча. Железо заалело, потом налилось малиновым цветом, а после и вовсе побелело.
- Работает, – простонал от счастья Огнедар и повернулся к Стере: – Забирай кинжал, видящий! Всё-равно продать его не могу десятый год уже. А тебе, может, пригодится для чего! И дай тебе Бог здоровья!
- И тебе здравствовать, Огнедар, – заулыбался Стера...
- Из лавки видящий с волкодавами вышел не просто счастливый – окрылённый. К кинжалу счастливый Огнедар придал Стере и ножны, и видящий прицепил их сразу к своему ремню кожаному. Волкодавы тоже остались довольны покупками. Они взяли стрелы с серебряными наконечниками, какой-то хват и два серебряных наконечника для копий.
- А что там за дух в кинжале этом? – осторожно спросил Хват парня.
- Я не видал таких вовсе, – оживился Стера, и принялся увлечённо рассказывать: – Мы с детства всех духов изучаем в монастыре. Какие злые, какие добрые или незлые. Есть духи, которые могут в человека вселиться или в явление.
- Это как Огневик? – понимающе спросил Жито, и Стера кивнул радостно.
- Но Огневик – дух добрый, он человеку помогает, чтобы тот огонь и дальше разводил. Потому как Огневику в огне комфортно живётся. А есть, к примеру, Вила – он и в огне, и в воде и в воздухе может находиться, но только чтобы разрушать.
- И много духов вообще? – спросил Жито.
- Много, – Стера погладил ножны, – Сотни, наверное. И мы их всех учим с раннего детства. Повадки, привычки, вред либо пользу.
- А этот в кинжале вовсе незнакомый? – Хват действительно заинтересовался.
- Незнакомый, – видящий скосил взгляд на кинжал и вновь посмотрел на волкодава: – Вообще мало духов могут в вещи заселиться. Ну, или быть замурованы. Вот, к примеру, в нашем монастыре дух замурован в стене. От этого стена очень крепкая и времени не боится. Есть и другие такие. В разных вещах. И вещь от этого...
- Стера задумался и проговорил:
- Про такие говорят: вещь с душой.
- Хват посопел немного и проговорил:
- Интересно, наверное, невидимое видеть?

– Интересно? – удивился Стера, подумал немного и мотнул головой: – Вовсе не интересно. Но меня, как и других видящих, никто не спрашивает. Рождаемся такими. Поначалу все вокруг думают, что ты с ума сошёл. Потом понимают и везут... в монастырь. К видящим. И там делают видящих из нас.

Парень замолчал внезапно, и Жито с Хватом не осмелились больше расспрашивать парня. Слишком тяжело повисла последняя фраза в июньском мареве...

Глава 17

Полумрак тесной кельи, освещённой двумя свечками, дрожал и клубился по углам таинственной вязью. За столом сидел иеромонах Лука и строго смотрел на Стеру. Молодой видящий, впрочем, довольно легкомысленно переминался с ноги на ногу и гладил Уголька, сидящего на плече.

– Когда ты уже станешь серьёзнее, Гай? – хмуро спросил иеромонах, – Опять на тебя кастелян жалуется.

– На меня? – распахнул от изумления голубые глаза видящий.

– Ну, не на тебя, а на твоего... зверя! – иеромонах отвёл на мгновение глаза, – Где ты его вообще взял-то?

– Так на одном из заданий, – начал рассказывать Стера, – Вы меня тогда отправили Игошу сразить! В Орешской губернии! Игоша тогда убил лесника со всей семьёй, а Уголёк остался. И, кстати, помог мне тогда. Он злых духов чует.

– То, что злых духов чует – хорошо, конечно, – поморщился иеромонах, – Но зачем он в кладовку пробирается и лари прогрызает?

– Так ежели кушать захотела животинушка, а на кухне повара ему кусочка мяса жадуют, что ему делать остаётся? – невинно переспросил Стера.

– Никто ему не жадует! – отрезал Лука, – Этот прохвост умудрился всех поваров в себя влюбить. Они его постоянно кормят! А он ещё и клетки прогрызает! Кастелян жалуется – даже обитый железом ларь прогрыз! Заметь, там съестного и не было! Только рясы да подрясники!

– Так ларь железом обили, вот и не учуял запахов Уголёк, – Стера аккуратно погладил хоряка, – Решил заглянуть, что там такое так тщательно охраняется.

– А ты уверен, что это вообще хорёк? – с сомнением спросил вдруг иеромонах. – Не слышал я, чтобы хорьки железо прогрызали! Да и вообще любые другие звери. Ну-ка, дай мне сию зверушку, гляну!

Лука протянул руку к молодому видящему, но тот спрятал Уголька, прижав к груди:

– Да что там глядеть? – Стера нахохлился, как до этого зверёк: – Животинушка обыкновенная. Ну, чуть зубки острее, чем у прочих. Да разве это преступление? И подрясники, кстати, он не тронул же! Так что зря кастелян жалуется!

– Стера! – иеромонах сделал голос чуть строже: – Дай сюда... животинку!

Молодой видящий вздохнул тяжело, но хоряка Луке протянул. Иеромонах прищурился, взял Уголька и зверёк сразу ткнулся мокрым носом в ладонь старца.

– Ну-ну, не подлизывайся, – пробормотал Лука, впрочем, сказал это беззлобно. Потом принялся вертеть Уголька и произнёс: – Ага! Так я и думал! Одушевлённый!

Стера вздохнул тяжело:

– Отче, он добрый очень! Ну, может, озоровать любит чуть! Но меня выручал много раз! И вообще, он мне доверился!

– Вот что ты за человек такой, Стера? – Лука осторожно посадил зверька на стол, тот примерился и прыгнул в руки парня, который ловко поймал метнувшуюся тушку, – Зверька одушевлённого в монастырь притянул! Шиша прикормил! И тот тоже... озоровать любит!

– Шиш? – деланно изумился Стера, – Да он вообще смирный! Сам себя боится!

– Шиш! – стараясь казаться строгим, проговорил иеромонах, – Ты думаешь, я не знаю, кто третьего дня на рынке девкам и бабам юбки-то вздымал?

– Это поклёп, отче! – Стера сделал максимально невинное лицо, – Просто ветер сильный в тот день поднялся! А Шиш вообще рядом со мной был.

– А цветок дворянке в руки тоже ветер кинул, когда ты ей улыбался? – иеромонах всё сильнее старался сохранить серьёзный вид, но получалось плохо. Потому он даже рот рукой прикрыл, якобы закашлялся.

– Так цветочек я кинул сам, – Стера вновь гладил Уголька.

– И он за десять сажений пролетел и прямо в руки приземлился? – Лука тяжело вздохнул: – У меня на тебя уже гора жалоб лежит, Стера! В общем, поезжай-ка ты на задание очередное, пока Медян видящих не погнал из своего славного города!

– Так бы и сказали, что задание есть, – пробормотал Стера, – Вместо того, чтобы обвинять беспочвенно!

– Ну-ну! Ты берега-то видь! – Лука взял глиняную кружку и отхлебнул чаю, – Беспочвенно я тебя не обвиняю. А будешь колобродить – ей-же-ей – епитимью наложу! И запру в келью на месяц!

Стера подкатил глаза, но спорить не стал.

– В общем, отправишься в Зореградскую губернию. Есть там уездный городишко, Устым называется.

– А что Зореградские видящие? – удивлённо спросил Стера, – Мы итак на две губернии работаем! На Медянскую и Орешскую. Совесть у них есть?

– Совесть есть! – отрезал иеромонах, – Да нет видящих, которые духов слышат! Потому ты и отправишься. И не спорь!

Стера начал ковырять носком сапога каменный пол кельи, но всем своим видом показал, как он негативно относится к предстоящему путешествию.

– Поедешь на лошади! – решил Лука, – Так быстрее будет! А то месяц туда пешком добираться придётся.

– А что там, в Устиме этом? – с интересом спросил молодой видящий.

– Вот на месте и разберёшься! – отрезал иеромонах, но потом смягчился и пояснил: – Сам толком не знаю. Но тамошний иеромонах Доброт очень просил тебя прислать.

– А командировочные кастелян выдаст? – осторожно спросил Стера, – А то прошлый раз сказал, что видящего плащ кормит.

– Кстати, о плаще! – вскинулся иеромонах, и Стера вновь подкатил глаза.

– Но-но! Ты глазки-то не подкатывай! – Лука хмуро посмотрел на воспитанника, – Ты почему алую накидку в мешке носишь, а не на плечах?

– Так жарко в ней, отче, – Стера максимально убедительно посмотрел на старца, но тот оказался неумолим:

– Плащ наденешь, и снимешь, только когда вернёшься! Это не обсуждается! – строго добавил иеромонах, увидев, что Стера собирается что-то возразить. Молодой видящий вздохнул тяжело и проговорил:

– Мыться тоже в ней?

– Пусть моются те, кому чесаться лень! – отче задумчиво почесал переносицу, – А ты у нас парень работающий, лень свою переборешь!

– Так что с командировочными? – опять спросил Стера, и иеромонах махнул рукой:

– Распоряжусь, выдаст кастелян! Но если будешь продолжать в том же духе – на подножий корм отправлю! Всё, иди, сделай, что нужно во славу Господа!

Стера вышел из кельи и потопал к жалобщику. Без стука распахнул дверь в другую келью, и кастелян Ростислав аж подпрыгнул от неожиданности, перевернув чернильницу.

– Ага, непотребство делаешь? – с порога обличительно заговорил Стера.

– Тьфу на тебя, окаянный! – сплюнул кастелян, подхватывая пузырёк и жалобно наблюдая, как чернила залили половину листа огромной амбарной книги: – Какое непотребство ещё?

– А чего ж так подскочил? – обвиняюще спросил Стера, – Кто благими делами занимается – не пугаются так.

- Да ты, оглашенный, врываться так будешь – кого угодно напугаешь, – насупился Растислав, – Чего припёрся?
- За командировочными, – гордо сказал видящий, – Иеромонах распорядился выдать.
- Плетей бы тебе выдать, а не командировочных, – проворчал кастелян, но за кошельком полез. – На какой срок едешь?
- А кто ж его знает? – развёл руками Стера, – До полной победы!

Глава 18

Зореград выделялся из всех губерньских городов необычайностью стен. Если везде кирпич был красным, то зореградцы научились делать белый кирпич. Оттого стены города виднелись издалека и были странные, но завораживающие. Сам город был в разы меньше Медяна, потому стеной огорожен весь. Да и беспокойно бывало на западной границе Ивского княжества. То кочевники наскочат. То банды какие собьются в крупные ватаги и пытаются пошупать оборону. Потому зореградцы всегда были начеку. Выступали этаким форпостом княжества на западных рубежах, сдерживая кочевников, беглых дезертиров и прочую нечисть, сбивающуюся в стаи. Но даже по опасным дорогам этой губернии Стера ехал спокойно. Тем более, в этот раз он был в алом плаще, как и наказал иеромонах Лука. А нападать на видящих даже кочевники не смели. Для всего мира алые плащи были единственной защитой от злых духов.

Полночи беседовал Стера в Зореграде с иеромонахом Добротом, и разговор этот оставил тягостные впечатления. В Устыме появился какой-то сильный дух. И двое видящих, которые отправлены были решить проблему, с задачей не справились. Один погиб, а второй вернулся ни с чем. Целый месяц провёл в городишке, но так и не нашёл того, кто насылал хворь на людей. Потому Доброт особенно просил Стеру выпросить духов. Авось, кто и расскажет, что же там творится.

– Ратмир встретит и пояснит, что почём. Видящий он сильный, опытный. Да вот никак пока не справится с задачей, – напоследок напутствовал Стеру Доброт, перекрестил и отправил: – Ступай с Богом!

И Стера удалялся от губерньского города ещё ближе к западной границе. Ехать ему было на лошади всего-то день-полтора. Если конь идти будет ходко. Было время подумать, поразмышлять. Да только в голову молодому видящему не приходило ничего. По всем повадкам выходило, что действует в Устыме Карачун. Но дух этот наглый, никогда не прячется ни от кого, даже от видящих. Потому, хоть и сложно с ним справиться – сражают его регулярно. Когда первый видящий погиб, тоже думали в монастыре, что Карачун объявился. Потому отправили самого опытного из братства. Ибо Ратмир уже с десятка Карачунов развоплотил и в иной мир отправил. Но тут сбой какой-то получился, не мог зореградский специалист найти духа, и всё тут!

Впрочем, через полчаса молодой видящий перестал ломать голову. Уж ежели опытные иеромонахи не придумали ничего, нечего и ему извилины напрягать. Бог даст, решат они вопрос с духом. Успокоив себя таким образом, видящий повернулся к Шишу, который летел рядом.

– Скажи мне, друг, а почему ты только воздухом управляешь, Огневик только огнём, а Вила со всеми стихиями может работать?

– Откуда я знаю? – прошипел Шиша. – Мне что дадено, то и имею!

– Кем это дадено?

Шиша пошёл рябью, но смолчал.

– Вот даже элементарного не знаешь, а всё в умные лезешь, – поддел духа видящий.

– Всё я знаю, – дух даже вид нахмурившегося изобразил, чтобы подходчивее обиду показать. Получилось это забавно: будто мокрое полотенце перекрутил кто, чтобы выжать. А Шиш кувыркнулся в воздухе и показал длинный, раздвоенный как у змеи язык.

– Интересно, – задумчиво сказал Стера и внимательно посмотрел на болтающийся издевательски язык, – Если духов мы развоплощать умеем – получится ли взять и отделить от тела духа какую-либо часть? Язык, например?

Раздвоенный язык исчез у Шиша, как по мановению ока, а сам дух отлетел подальше. На всякий случай, видимо. Но вскоре вернулся и прошипел:

– У нас-с-с нету час-с-с-стей. Мы одна субстанция, которая трансформируется в то, что захотим!

– Понятно, – Стера почесал затылок. Но часть субстанции, интересно, можно отчекрыжить?

– Погорячилс-с-ся я с-с-с языком, – повинился Шиш, – Не нужно чекрыж-ж-жить!

– Да не думал я чекрыжить, – признался Стера, – Шутка это.

– Так себе шутеечка, – прошипел Шиш, открыл было рот, чтоб язык вновь показать, да передумал. Зато Уголёк, сидящий на вещевом мешке за спиной Стеры, высунул язычок и стал показывать Шишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.